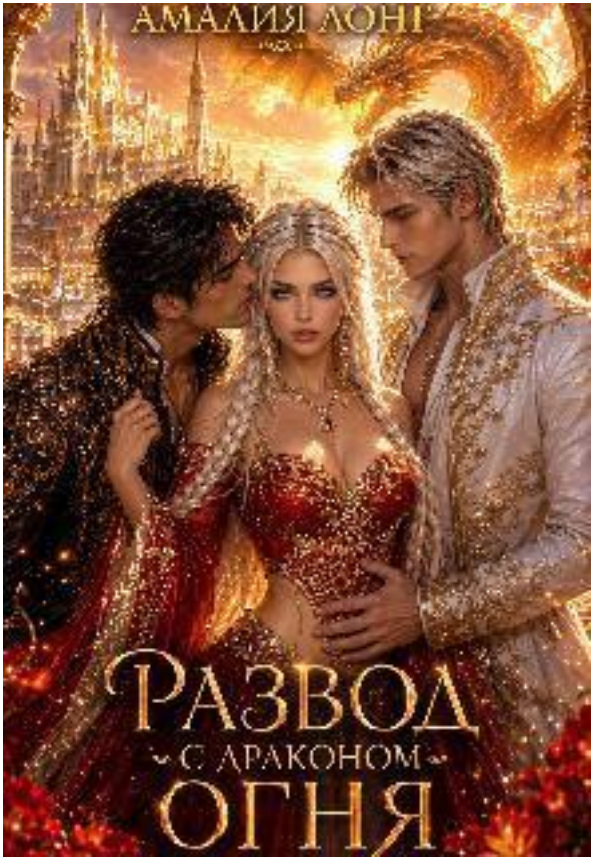

АМАЛИЯ ЛОНГ
РАЗВОД
С ДРАКОНОМ
ОГНЯ

Амалия Лонг
Развод с драконом огня

https://litres.ru/74729072

Аннотация

18+

— Ты бесплодна, Камелия.

Шесть лет я слышала эти слова от мужа. Шесть лет пыталась стать для него хорошей женой. А потом он привёл в тронный зал беременную любовницу, объявил её будущей королевой и дал мне развод на глазах у всего двора. Я стала посмешищем целой империи. Но после развода выяснилось страшное. Все эти годы я могла иметь детей. Это он тайно поил меня отваром бесплодия. Это он использовал мою кровь для запретного ритуала. Это он украл у меня будущее. Теперь бывший муж хочет вернуть женщину, которую потерял много лет назад. А я хочу только одного — навсегда вычеркнуть его из своей жизни. Вот только охота за моей кровью ещё не закончена...

❤# развод и предательство ❤# беременная любовница ❤# властный бывший муж ❤# тайна ложного бесплодия ❤# новый герой ❤# драконы и магия ❤# сильная героиня ❤# счастливый финал Сцены 18+

Выкладка каждый день в 18:00

История её родителей (мать–попаданка, отец–изгнанный дракон падших земель): ПОДПИСКА!

Содержание

Вступление	4
Глава 1. Бесплодная королева	6
Изабелла. Визуал	13
Глава 2. Посмешище империи	14
Встреча с чёрным всадником	24
Глава 3. Летний бал	25
Камелия на своем первом балу	33
Глава 4. Последний подарок мужа	34
Мой бывший	41
Глава 5. Следы на запястьях	42
Глава 6. Служанка рассказывает правду	51
Глава 7. Дорога домой	57
Глава 8. Нападение	64
Глава 9. Тайна чёрного всадника	77
Глава 10. Ты не бесплодна	88
Глава 11. Тайны архива	97
Глава 12. Малиновый закат	103
Визуал к главе 12.	107
Глава 13. Гнев драконьей крови	108
Глава 14. Мать что-то скрывает	114
Глава 15. Тайный архив Амелии	121
Конец ознакомительного фрагмента.	127

Вступление

«Женщина подобна чайному пакетику — вы никогда не узнаете её настоящую силу, пока она не попадёт в кипяток».

— Элеонора Рузвельт

Глава 1. Бесплодная королева

«Иногда надо сгореть дотла, чтобы возродиться пеплом».

— Харуки Мураками

Годовщина свадьбы оказалась днём моего публичного уничтожения.

Я стояла посреди тронного зала в платье цвета расплавленного золота. Тяжесть короны врезалась в виски, рубины на шее холодили кожу. Шесть лет брака научили меня читать его настроение за милю — и сегодня я чувствовала, что грядёт что-то страшное.

Он поднялся с трона, и музыка стихла. Триста пар глаз впились в моё лицо.

— Шесть лет назад я взял в жёны женщину из Кар-Дракона, надеясь получить наследника, — голос мужа разнёсся под сводами зала. — Королева Камелия оказалась бесплодна.

Слово ударило, как пощёчина. Я слышала его уже много раз — от лекарей, от шептунов за спиной. Но сейчас, произнесённое мужем перед лицом всей империи, оно звучало как приговор.

В зале ахнули. Кто-то не сдержал смешок. Герцогиня Ва-

лия, которая ненавидела меня с первого дня.

— Ваше Величество, — я шагнула вперёд, — прошу вас, не при всех.

Он посмотрел на меня. Холодно. Пусто.

— Наедине? Зачем? Ты шесть лет не могла родить мне ребёнка при всех. И развод получишь при всех.

Я вспомнила тот день, когда потеряла первого ребёнка. Десятая неделя. Я лежала на холодном столе, а он держал меня за руку и шептал: «Ничего, родная. Попробуем снова».

Второй выкидыш случился полгода назад. Он уже не держал меня за руку. Стоял в дверях и сказал: «Мы нанимаем новых лекарей». И вышел.

А ещё я вспомнила утренний отвар. Каждое утро он приносил его сам. «Для твоего здоровья, дорогая». Горький, с кисловатым привкусом. Я пила шесть лет, задерживая дыхание. Думала — лекарство.

Какая же я была дура.

— Огненная Империя не может ждать, — продолжал он. — Сегодня я объявляю о расторжении брака.

Бокал выпал из моей руки. Красное вино разлилось по мрамору.

— Наконец-то, — прошептал кто-то за спиной.

— Бесполезная кукла, — подхватили справа.

— Зря место занимала, — добавили слева.

Я запомнила эти голоса. Все до единого.

А потом двери распахнулись под звуки фанфар.

Она вошла.

Сначала я узнала платье — алое, расшитое золотыми драконами. Моё. Пропало из гардеробной месяц назад. Потом корону — маленькую, с рубинами. Ту самую, что он подарил мне на первую годовщину. «Символ моей любви», — сказал тогда.

Потом я увидела лицо.

Изабелла.

Моя фрейлина. Моя подруга. Девчонка, которую я вытащила из нищеты, дала комнату во дворце, оплатила долги её семьи. Она называла меня старшей сестрой. Клялась в вечной верности.

А потом я увидела её живот.

Огромный. Круглый. На сносях.

— Леди Изабелла, — провозгласил король, и впервые за вечер его голос потеплел. — Моя невеста. Мать моего наследника. Будущая королева.

Она взяла его под руку и посмотрела на меня. Победно. Снисходительно.

— Бедная Камелия, — томно произнесла она, поглаживая живот. — Ты так старалась. Шесть лет — и ничего. Два выкидыша, столько лечения, столько слёз… А у меня получилось с первого раза.

Она рассмеялась.

По залу прокатился смешок. Робкий сначала, потом всё громче.

— Знаете, Ваше Величество, — голос Изабеллы стал слаще, — как вы вообще могли поверить, что он вас любит? Вы были просто договором. Бумажкой.

Король молчал. Смотрел на меня и молчал.

— Он не мог уйти сразу, потому что развод по вашей инициативе стоил бы ему слишком дорого. Но он ждал, когда вы достаточно намучаетесь, достаточно опозоритесь, чтобы вышвырнуть вас без потерь.

— Поэтому, дорогая моя королева, — она шагнула ближе, — не вините никого. Вы просто выполнили свою функцию. Бесплодную, но функцию.

Я смотрела на неё. На живот. На руку мужа на её талии.

— Ты права, Изабелла, — сказала я тихо. — В одном ты права. Я действительно потеряла двоих детей.

Я сделала шаг к ней. Она попятилась.

— Я молилась на коленях в Храме Плодородия, пока камни не пропитались моей кровью. Я пила горькие отвары, которые каждое утро приносил мне муж. Я позволяла целителям ставить на себе опыты. Я не спала ночами, вышивая распашонки для тех, кто никогда их не наденет.

Я перевела взгляд на мужа.

— А ты всё это время спал с моей фрейлиной в моей постели. Скажи, Эдгар, тебе было приятно? Когда я корчилась на столе, а ты держал меня за руку и думал: «Сколько ещё?

Когда она сломается?»

Он побледнел.

— Ты сама виновата, — процедил он. — Твоё тело не смогло выносить ребёнка.

— Моё тело не смогло? — я усмехнулась. — Дважды я зачинала. Дважды носила твоих детей под сердцем. Чувствовала, как они бьются внутри. А потом они умирали. И ты называешь это моей виной?

— Хватит. Уходи по-хорошему.

— Я ухожу, — ответила я. — Но запомни. Я не бесплодна. Дважды я была беременна. Дважды мои дети умирали. И я узнаю, почему.

Я сняла корону. Подержала в руках. Тяжёлую. Чужую.

— Эту корону мне подарил отец мужа. «Носи с честью, девочка». Я носила. Шесть лет. С честью. С достоинством. С любовью, которой никто из вас не заслужил.

Я положила её на пол. Аккуратно. Как кладут цветы на могилу.

Повернулась и пошла к выходу. Спина прямая. Голова высоко поднята.

— Камелия! — крикнул он. — Ты никуда не пойдёшь без охраны!

— Не надо, — ответила я, не оборачиваясь.

— Это не обсуждается!

Я пожала плечами и вышла.

В коридоре меня ждала Мира — моя служанка, един-

ственная, кто не смеялся у меня за спиной. Её глаза были красными.

— Ваше Величество, — прошептала она, — я собрала ваши вещи. Деньги, украшения. Всё, что смогла.

— Спасибо, Мира.

— И ещё, — она оглянулась и сунула мне в руку маленький пергамент. — Я нашла это в кабинете главного лекаря. В тайнике под половицей.

Я развернула его на ходу. Столбик цифр. Даты. Названия трав: полынь, кровь мёртвого дракона, корень молчальника. И напротив моего имени — доза. Ежедневная. Шесть лет.

— Что это?

— Не знаю. Но старый Астарот, тот целитель, которого сослали в деревню… он делал эти записи. Перед тем как его увезли, он пытался встретиться с вами. Говорил, что утренний отвар — не то, чем кажется.

Я остановилась.

— Не то, чем кажется? А что?

— Он не сказал. Его увезли до того, как он успел объяснить. Но он успел передать это моей матери. А мама — мне.

Я свернула пергамент и спрятала за корсаж. Отвар, который каждое утро приносил муж. Который я пила шесть лет, думая, что это любовь.

— Мы найдём Астарота, — сказала я. — В Кар-Драконе. Узнаем правду.

Мы вышли во двор. Ночной воздух ударил в лицо. Экипаж

ждал у ворот — тёмный, без гербов.

— В Кар-Дракон, — сказала я кучеру. — Гони всю ночь.

Я села внутрь. Мира — рядом. Карета тронулась.

Я посмотрела в окно на дворец, который был моим домом шесть лет. На огни в зале, где меня только что уничтожили.

И вдруг я не почувствовала боли. Только холодное спокойствие.

Двое детей, которых я носила под сердцем, так и не увидели свет.

Шесть лет жизни я подарила человеку, который меня предал.

Но я не сломлена.

И теперь у меня есть тайна, которую нужно разгадать. Есть Астарот — единственный, кто, возможно, знает правду. И есть дорога домой.

Экипаж выехал за ворота. Огненная Империя осталась позади.

Война только начиналась.

И эту войну выиграю я.

Конец первой главы.

Изабелла. Визуал

Глава 2. Посмешище империи

«Сплетни — это ветер. Они шумят, но не ломают деревья. Правда — это корни. Её не вырвать».

— Из народной мудрости

Сплетни летят быстрее драконов.

Пока наш экипаж отъезжал от дворца, новость о моём разводе уже обежала все гостиные, кухни и конюшни. Я знала это, потому что Мира каждые полчаса высовывалась в окно и слушала обрывки разговоров на придорожных станциях.

— Говорят, её выслали в одних тряпках, — донеслось слева.

— Говорят, она устроила скандал, — справа.

— Говорят, король давно хотел от неё избавиться, — из темноты.

Мира злилась. Я — нет.

Сплетни — это просто ветер. Они шумят, но не ломают деревья.

— Госпожа, — Мира повернулась ко мне, — может, остановимся? Вы не спали всю ночь. Вам нужно поесть, отдохнуть…

— Мы не останавливаемся, — отрезала я. — Чем дальше от столицы, тем спокойнее.

Она не стала спорить. Умная девочка. Хотя девчонкой её можно было назвать с натяжкой — Мире уже исполнилось двадцать два. Во дворце она появилась недавно. Всего полгода назад.

Карета тряслась на ухабах. За окнами плыла тьма — леса, поля, редкие огни деревень. Огненная Империя прощалась со мной. Или я — с ней.

Я сжала в руке пергамент, который дала Мира. Полынь. Кровь мёртвого дракона. Корень молчальника. Я ничего не понимала в этих названиях, но чувствовала — за ними скрывается что-то важное.

— Мира, — сказала я, — ты работаешь у меня всего полгода. Откуда у тебя записи из кабинета главного лекаря?

Она замялась. Потёрла ладонь о ладонь — нервный жест, который я замечала за ней раньше.

— До меня здесь работала моя мать. Она передала мне эти бумаги.

Я уставилась на неё.

— Мою мать звали Эльза. Она была горничной в ваших покоях три года. Вы её знали.

Я напрягла память. Эльза. Тихая женщина с пепельными волосами. Всегда держалась в тени, никогда не лезла на глаза. Я вспомнила, как она исчезла. Полгода назад. Мне сказали — уволилась по собственному желанию, уехала в дерев-

ню к больной сестре.

— Её не уволили, — тихо сказала Мира, глядя в пол. — Её сослали. Как Астарота. В ту же ночь.

— За что?

— Она узнала правду про отвар. Подслушала разговор короля с главным лекарем. А потом рассказала Астароту. Через три дня их обоих вывезли из дворца под видом добровольного ухода.

У меня перехватило дыхание.

— И ты молчала? Полгода?

— Мать запретила говорить, — Мира подняла на меня глаза. Красные, но сухие. — Она сказала: «Отдашь королеве пергамент, когда настанет час. Не раньше. Иначе убьют и тебя, и её, и меня». Я ждала, госпожа. Я устроилась во дворец, как только смогла. Ждала того дня, когда вы будете готовы слушать.

— Готова слушать? — я усмехнулась горько. — Мира, меня только что вышвырнули на глазах у трёхсот человек. Я не готова. Я раздавлена.

— Нет, госпожа. — Она покачала головой. — Вы не раздавлены. Вы ушли с высоко поднятой головой. Вы не просили пощады. Вы не плакали при них. Моя мать говорила, что вы сильная. И она была права.

Я отвернулась к окну.

Сильная. Какая же я сильная. Я просто научилась не показывать слабость. Это разные вещи.

— Астарот жив? — спросила я.

— Не знаю. Мать думала — да. Он успел сказать ей, куда едет, перед тем как его увезли. В Эйслин. Деревня на границе с Кар-Драконом.

Я выдохнула. Эйслин. Я знала это место. В детстве мы проезжали мимо по дороге в южные земли. Маленькая деревня у подножия гор. Затерянная. Безлюдная.

— Мы найдём его, — сказала я. — Обязательно найдём.

Карета въехала в лес. Дорога стала уже, деревья смыкались над головой, закрывая звёзды. Стало темно. И тихо. Только стук копыт и скрип колёс.

— Госпожа, — вдруг сказала Мира, — вы слышите?

Я прислушалась.

Что-то было не так. Слишком тихо. Слишком пусто. Даже птицы молчали.

— Кучер, — крикнула я, — остановитесь!

Но вместо ответа я услышала свист.

Стрела вонзилась в дверцу экипажа в паре дюймов от моего лица.

— Вон из кареты! — закричала Мира, хватая меня за руку.

Мы вывалились наружу в тот самый момент, когда вторая стрела разбила окно.

Нас было трое — я, Мира и кучер. Он лежал на земле с пробитым плечом, но дышал. А из леса выходили люди. Пятеро. С мечами. С факелами. В чёрных плащах без опозна-

вательных знаков.

— Что вам нужно? — крикнула я.

— Вы, Ваше Величество, — ответил тот, что шёл впереди. Голос низкий, хриплый, чужой. — Наш господин велел доставить вас обратно. Живой. Или мёртвой. Ему всё равно.

Я похолодела.

— Ваш господин — король?

Он усмехнулся.

— Неважно.

Они двинулись к нам. Пятеро против двух женщин и раненого кучера.

— Мира, — прошептала я, — беги.

— Нет, госпожа!

— Беги! В Кар-Дракон! Расскажи матери, что я не доехала!

Мира не двигалась. Тряслась, но не двигалась.

— Беги, это приказ!

И тут из темноты раздался голос. Новый. Глубокий. Ледяной.

— Пятеро мужчин против двух женщин? Не стыдно, господа?

Из-за деревьев вышел силуэт. Высокий. Широкоплечий. В чёрном плаще, на чёрном коне. Лицо скрывал капюшон.

— Кто ты? — спросил главарь.

— Тот, кто не любит, когда обижают беззащитных.

Он слез с коня. Скинул капюшон.

В свете факелов я увидела его лицо — жёсткое, с острыми скулами, шрамом на подбородке. И глаза. Зелёные. Глубокие, как горное озеро. С изумрудным отливом — цвета малахита.

Я не знала его. Но что-то в этом взгляде заставляло сердце биться быстрее.

— Уходи, парень, — главарь шагнул к нему. — Не лезь не в своё дело.

Незнакомец не двинулся с места.

— Это моё дело, — сказал он спокойно. — С того момента, как вы тронули эту женщину.

А потом началось.

Я не успела понять, что происходит. Движения были слишком быстрыми. Меч незнакомца мелькнул в воздухе, и первый нападающий рухнул на землю. Второй. Третий. Четвёртый побежал, но догнали и его.

Главарь остался последним. Он поднял меч, но незнакомец выбил оружие одним ударом и приставил клинок к его горлу.

— Кто послал? — спросил он.

— Я не скажу.

— Уже сказал. Ты упомянул «господина». Это не король. Короля называют «ваше величество». Значит, кто-то другой. Кто?

Главарь молчал.

— Не хочешь говорить — не надо, — незнакомец убрал

меч. — Передай своему господину: Камелия под моей защитой. Если он ещё раз пошлёт людей — я приду за ним самим.

Главарь поднялся и, шатаясь, исчез в лесу. Остальные лежали на земле — живые, но без сознания.

Незнакомец повернулся ко мне. Зелёные глаза блеснули в свете факелов — холодные, как малахит, и такие же глубокие.

— Вы в порядке?

— Кто вы такой? — спросила я, игнорируя вопрос.

Он усмехнулся. Холодно. Устало.

— Тот, кто будет вас охранять. До Кар-Дракона.

— Я не нанимала охрану.

— Астарот нанял. Перед тем как исчезнуть.

Я замерла.

— Вы знаете Астарота?

— Он мой… должник. Когда-то я спас ему жизнь. Теперь он просил отплатить — защитить вас.

— И вы согласились?

Он посмотрел на меня. Малахитовые глаза блеснули в темноте.

— У меня были свои причины.

Незнакомец шагнул ближе. В свете факелов я рассмотрела его лицо подробнее — не просто красивый. Опасный. Такой человек не нанимается в телохранители просто из чувства долга.

— Что за причины?

— Астарот пообещал назвать имя человека, который уничтожил мою семью, — сказал он. — В обмен на вашу безопасность. Мне нужен этот ответ. Вам нужна защита. Временный союз.

— Я не заключаю союзов с теми, чьих имён не знаю.

Он помолчал. Потом сказал:

— Зовите меня Чёрный Всадник.

— Это не имя.

— Этого достаточно.

Он помог кучеру подняться, перевязал рану, усадил обратно на козлы.

— Поехали, — сказал он. — Времени мало. Они вернутся. С подкреплением.

Я села в карету. Мира — рядом. Чёрный Всадник вскочил на коня и поравнялся с окном.

— Наёмник, — сказала я, — кто на нас напал? Не король?

— Нет. Король не стал бы пачкать руки так близко от дворца. Это кто-то другой. У вас есть враги, о которых вы не знаете.

— И вы знаете, кто?

— Догадываюсь. — Он помолчал. — Но сначала довезу вас до Кар-Дракона. А потом — поговорим.

Карета тронулась.

Я смотрела в окно на незнакомца, который ехал рядом, и думала.

Малахитовые глаза. Холодная усмешка. Говорит об уни-

чтоженной семье.

Я не знала, верить ли ему. Но выбора у меня не было.

— Почему вы назвались Чёрным Всадником? — спросила я.

Он повернул ко мне лицо. В свете луны его глаза сверкнули зелёным — цветом редкого камня, который добывают глубоко под землёй.

— Потому что я приношу смерть врагам тех, кого защищаю. — Его голос стал тише. — И потому что моё настоящее имя может стоить вам жизни. Чем меньше знаете — тем безопаснее.

— Для кого безопаснее? Для меня или для вас?

Он усмехнулся.

— Для обоих.

Карета въехала в лесную чащу. Луна скрылась за тучами.

— Теперь спите, — сказал Чёрный Всадник. — Завтра будет долгий день.

Я закрыла глаза, но не спала.

Передо мной стояло его лицо. Шрам на подбородке. Малахитовые глаза. Глубокий голос, в котором слышалась старая, застарелая боль.

Зелёный, как весенняя трава. Холодный, как лёд. Опасный, как нож.

Кто он? Почему его взгляд кажется таким тяжёлым? И что за тайна, которую Астарот обещал раскрыть в обмен на мою жизнь?

Чем дальше мы уезжали от дворца, тем больше вопросов появлялось.

И тем сильнее я чувствовала — всё только начинается.

Сплетни летят быстрее драконов.

Но правда — ещё быстрее.

Я узнаю её. Чего бы это ни стоило.

Даже если для этого придётся заключить сделку с самим дьяволом в зелёных глазах.

Конец второй главы.

Встреча с чёрным всадником

Глава 3. Летний бал

Тот, кто падает, поднимается сильнее. Если, конечно, у него есть ради чего вставать».

— Автор неизвестен

Карета мягко покачивалась на ухабах. За окном плыли поля Падших Земель — серые под низким небом, с редкими вкраплениями зелени. Мира дремала на противоположном сиденье, утомлённая долгой дорогой. Чёрный Всадник ехал сбоку — молчаливый, зоркий, неотступный.

Я смотрела на его спину, на развевающийся плащ, и думала о том, как шесть лет назад я выезжала из этих ворот в другой карете — украшенной серебряными драконами, с короной на голове и надеждой в сердце.

Мне было восемнадцать. Я была прекрасна, молода и глупа.

Глупее глупого.

Я закрыла глаза — и стук колёс унёс меня в прошлое.

Летний бал. Мой первый светский выход.

Я стояла у окна в платье цвета лунного света — мать привезла ткань из своего мира, тонкую, струящуюся, которая переливалась при каждом движении. Волосы уложены в

изящную причёску с серебряными шпильками, подаренными бабушкой. Лёгкие локоны обрамляли лицо, делая его ещё более юным и невинным. На левой руке — длинная перчатка, чтобы скрыть метку. Отец сказал: «Никому не показывай, дочь. Пока не придёт время».

Зал был полон. Маглорские князья, послы со всех империй, лорды Падших Земель. Музыка лилась из струнных оркестров, воздух пах цветами и дорогими духами. Я чувствовала себя принцессой из старой сказки.

А потом он вошёл.

Я не заметила, как замерла. Как перестала дышать. Как мир вокруг сузился до одного человека.

Эдгар Огненный. Король самой сильной империи юга. Вдовец. Ему было двадцать пять — а он уже вдовец, и это делало его ещё более притягательным. Трагическая тайна. Нераскрытая история. Я хотела узнать её. Я хотела стать той, кто его исцелит.

Высокий. Очень высокий. Широкие плечи, развёрнутая грудь, походка льва — плавная, опасная, хищная. Светлые волосы, почти белые, падали на лоб небрежными прядями. Белоснежная улыбка, от которой у женщин подкашивались колени. И глаза — цвета летнего неба, ясные, холодные, пронзительные.

— Вы танцуете? — спросил он, протягивая руку.

Голос глубокий, бархатный, с лёгкой хрипотцой. Я слышала его впервые в жизни, но мне показалось — я знала его

всегда.

— Танцую, — ответила я и вложила ладонь в его.

Он вёл меня в танце так, будто мы делали это тысячу раз. Моя рука на его плече. Его рука на моей талии. Близко. Слишком близко. Достаточно, чтобы я чувствовала жар его тела и запах дорогого одеколона с нотками дыма и кожи.

— Вы самая красивая женщина на этом балу, — сказал он.

— Вы говорите это всем?

— Только тем, кто правда красива.

Я засмеялась. Я была юной и легкомысленной. Я не знала, что такие мужчины не говорят правду — они говорят то, что нужно сказать.

Он пришёл на следующий день в замок Кар-Дракон. С букетом сирени — моих любимых цветов. Откуда он узнал? Я не спросила. Мне было всё равно.

Через неделю он прислал мне стихи. Собственного сочинения. Плохие, но я тогда не заметила — я видела только то, что он старается.

Через месяц он приехал просить моей руки.

Родители были против.

Я помнила тот вечер — за закрытыми дверями кабинета отца. Мать плакала. Отец говорил тихо, но жёстко:

— Он вдовец, Камелия. Его первая жена умерла при зага-

дочных обстоятельствах. Мы ничего о ней не знаем. Империя Огня — сильное государство, но союз с ними — это не подарок, а кабала. Падшие Земли сейчас в шатком положении. Король Райан хочет этого союза, потому что боится войны. Но ты — не пешка. Ты наш ребёнок. Мы не хотим, чтобы ты страдала.

— Он любит меня, — сказала я. — Я люблю его. Чего ещё нужно?

Отец посмотрел на меня. Долго. Грустно.

— Любовь — это не стихи и цветы, дочь. Любовь — это когда человек готов жертвовать собой ради тебя. Что ты знаешь о нём? О его прошлом? О его планах?

— Я знаю достаточно.

— Ты знаешь только то, что он показал, — сказала мать сквозь слёзы. — А люди показывают только то, что выгодно им.

— Я не маленькая, — ответила я. — Я сама решаю.

Отец взял мои руки. Его глаза — золотые, как у дракона — смотрели на меня с такой болью, которую я заметила только сейчас, шесть лет спустя.

— Если ты уедешь, я не смогу тебя защитить, — сказал он. — Там, в чужой империи, ты будешь одна. Без рода. Без дома. Без нас.

— Мне не нужна защита, — ответила я. — Я сильная. Самая сильная в своём веке.

Отец отпустил мои руки.

— Тогда ступай. Но помни: у тебя всегда есть путь назад.

Я не поверила ему. Я думала — домой я буду возвращаться только в гости. А жить буду там, с ним.

Какая же я была дура.

***

Первые три года были идеальными.

Он приносил мне завтрак в постель. Смеялся над моими шутками. Держал за руку на приёмах и не стеснялся поцеловать при всех. Я думала — мне повезло. Я думала — боги услышали мои молитвы.

А потом я забеременела в первый раз.

Десятая неделя. Я уже выбрала имена — для мальчика и для девочки, на всякий случай. Я лежала на холодном столе целителей, истекала кровью, а он держал меня за руку и шептал: «Ничего, родная. Попробуем снова».

Я верила.

Второй выкидыш случился через полгода. Восьмая неделя. Снова схватки, снова алые пятна на простынях, снова запах крови, который я никогда не смогу забыть. Но тогда он уже не держал меня за руку. Он стоял в дверях, бледный, и сказал: «Мы нанимаем новых лекарей». И вышел. Оставил меня одну.

С того дня что-то сломалось.

Он перестал приносить завтрак. Перестал смеяться. Перестал смотреть на меня так, как раньше. Я думала —

это я виновата. Что я недостаточно хороша. Что моё тело сломлено. Что я не заслуживаю любви.

Я начала растворяться в нём. Терять себя. Каждый день по чуть-чуть. Сначала я перестала писать письма домой — потому что он сказал, что это отвлекает. Потом перестала видеться с подругами — потому что он сказал, что они завидуют. Потом перестала выходить без его разрешения — потому что он сказал, что так безопаснее.

Я не замечала, как превращаюсь в тень. В придаток. В вещь.

А потом появилась Изабелла.

Моя фрейлина. Моя подруга. Девчонка, которую я вытащила из нищеты.

Я видела, как он смотрит на неё. Сначала — мельком. Потом — всё чаще. Потом — перестал смотреть на меня вообще.

Я думала — он разлюбил. Думала — я ему надоела. Бесплодная, скучная, бесполезная.

Я накручивала себя ночами. Лежала в темноте и перебирала в голове свои ошибки. Что я сделала не так? Где я его потеряла? Почему она, а не я?

Я чувствовала себя ничтожеством.

***

А сегодня она вошла в тронный зал.

В моём платье. С моей короной. С огромным, круглым, победным животом.

И я смотрела на неё и не могла дышать.

А потом — неожиданно для себя — я почувствовала пустоту. Будто кто-то выключил свет. Будто внутри оборвалась последняя ниточка, которая связывала меня с ним.

А потом — смех.

Тихий. Горький. Безумный.

Мне стало смешно. Смешно смотреть на то, какой я была раньше. Какой глупой. Как могла испытать что-то к такому, как он? Как могла поверить, что он меня любит? Как могла раствориться в нём, потерять себя, забыть, кто я есть?

Я смотрела на его красивое лицо, на его холодные глаза, на его руку, лежащую на животе Изабеллы — и ничего не чувствовала.

Ни боли. Ни обиды. Ни ревности.

Только смех.

И пустоту.

***

Стук колёс изменился — мы въезжали на мостовую. Я открыла глаза.

Замок Кар-Дракон возвышался прямо передо мной — серый, мрачный, но такой родной. Ворота открыты. На крыльце — мать.

Чёрный Всадник поравнялся с окном.

— Приехали, госпожа, — сказал он. — Я подожду здесь.

— Нет, — ответила я. — Идём со мной. Вы мой телохра-

нитель. А в этом доме мне нужны свидетели.

Он посмотрел на меня долгим взглядом. Кивнул.

Карета остановилась.

Я вышла. Поправила платье — простое, цвета сирени, то самое, которое Мира купила в придорожной лавке за медяк. Светло-фиолетовый шёлк, без вышивки, без драгоценностей, без короны. Сирень — цвет моей первой любви. Цвет надежды, которая умерла.

— Камелия, — сказала мать.

— Матушка.

Она обняла меня. Крепко, по-настоящему, как не обнимала много лет.

— Ты жива, — прошептала она. — Это главное.

Я не заплакала. Не сейчас. Слёзы будут потом. Или не будут. Я ещё не решила.

— Нам нужно поговорить, — сказала я. — Всем троим.

Мать посмотрела на Чёрного Всадника, потом снова на меня.

— Идём, — сказала она. — Отец ждёт.

Я шагнула за порог.

Замок встретил меня запахами детства — старого дерева, воска, каминного дыма.

Всё было таким же.

Но я — нет.

Конец третьей главы.

Камелия на своем первом балу

Глава 4. Последний подарок мужа

«Иногда те, кто клялся любить, дарят яд в золотой упаковке. И называют это заботой».

— Из записок лекарей Падших Земель

Разговор с родителями длился до полуночи.

Я сидела в кресле у камина, напротив отца и матери, и рассказывала им то, о чём молчала шесть лет. О выкидышах. О холодной постели. О том, как каждое утро пила горький отвар, думая, что это лекарство. О том, как верила, что он вернётся. О том, как постепенно переставала верить.

Отец слушал молча, сжимая подлокотники кресла так, что побелели костяшки. Мать плакала. Не всхлипывая, нет — слёзы просто текли по её щекам, и она не вытирала их.

— Покажи метку, — сказал отец.

Я подняла левую руку. Отодвинула рукав платья цвета сирени. На тыльной стороне запястья тускло серела драконья метка — когда-то золотая, живая, пульсирующая. А теперь — мёртвая. Серая. Пустая.

Отец взял мою руку, повертел, приблизил к светильнику. Его лицо становилось всё мрачнее.

— Когда это случилось?

— Год назад. Примерно. Я проснулась утром — а огня нет. Ни искры. Ни тепла. Только пустота.

— И ты молчала? — отец поднял на меня глаза. В них горела боль. — Год молчала?

— Я думала, это из-за брачного договора, — сказала я. — Что сила вернётся после развода.

— Не вернулась, — сказал он. Это был не вопрос.

— Не вернулась, — подтвердила я.

Отец отпустил мою руку. Откинулся в кресле. Закрыл глаза.

— Тебе следовало сразу всё рассказать, Камелия, — сказал он тихо. — Не терпеть. Не молчать. Не геройствовать. Ты не одна. У тебя есть семья. Мы бы приехали. Мы бы забрали тебя.

— Я боялась, — ответила я. — Сначала я думала — справлюсь сама. Потом — что это пройдёт. Потом я прочитала брачный договор внимательно. Не так, как в восемнадцать лет — когда видела только красивые слова и свои мечты.

— Что в нём было? — спросил отец.

— Если я подаю на развод, Огненная Империя имеет право требовать компенсацию, — сказала я. — Землями. Ресурсами. Империями. Он мог стереть Падшие Земли в порошок, папа. У него армия. У нас — горстка драконов, которые едва держатся.

— И ты поэтому терпела? — мать взяла мои руки. — Поэтому молчала о выкидышах? О метке? О том, что он перестал с тобой спать?

— Я терпела, чтобы защитить вас, — сказала я. — Он обещал. В договоре было прописано: пока я соблюдаю условия брака — он не трогает Падшие Земли. А если я нарушу — он имеет право на компенсацию.

— Какие условия? — спросил отец.

— Быть его женой. Молчать. Не позорить его имя. Родить наследника.

— Последнее не зависело от тебя, — сказала мать.

— Он не поверил, — я усмехнулась. — Или ему было всё равно. Он нашёл другую. Ту, кто родит.

— Но ты могла родить, — сказал отец. — Ты была беременна дважды.

— И дважды потеряла, — я посмотрела на него. — А сегодня я узнала, что это не случайность.

Я достала из-за корсажа пергамент, который дала Мира. Развернула. Протянула отцу.

— Это нашла служанка в кабинете главного лекаря. Записи. За шесть лет.

Отец взял пергамент. Прочитал. Его лицо стало серым.

— Полынь, — прочитал он вслух. — Кровь мёртвого дракона. Корень молчальника. Это яд, Камелия. Трава, которая убивает плод ещё до того, как он закрепится.

— Я знаю теперь, — сказала я. — Каждое утро он приносил мне этот отвар. Говорил — для укрепления здоровья. Я пила шесть лет. Думала, что это лекарство. Что он заботится обо мне.

Мать закрыла лицо руками. Отец сжимал пергамент так, будто хотел разорвать его.

— Кто это дал тебе? — спросил он.

— Мира. Её мать работала во дворце служанкой. Она узнала правду. Подслушала разговор короля с лекарем. А потом её сослали. Как Астарота.

— Астарот знал?

— Он пытался предупредить меня. Но его сослали раньше, чем он успел. Он передал записи матери Миры. А та — Мире. А Мира — мне. Сегодня.

Отец поднял голову. В его золотых глазах горел огонь — тот самый, который я помнила с детства. Огонь дракона, уничтожающего врагов.

— Если это подтвердится, — сказал он тихо, — если он правда травил тебя шесть лет. Если твои дети погибли из-за этого. Если он публично унизил тебя, зная, что виноват сам… Я сотру его с лица Империи.

— Я сама сотру их всех в порошок, — закончила я.

Отец посмотрел на меня долгим взглядом.

— Какие у нас есть доказательства? Кроме этих записей?

— Астарот. Он жив. Он в Эйслине. Он знает правду. Он может подтвердить.

— И ты едешь к нему.

— Завтра на рассвете. Чёрный Всадник — его ученик. Он покажет дорогу.

Отец кивнул. Помолчал.

— Будь осторожна, дочь. Если он узнает, что ты ищешь правду — он пошлёт убийц. Он уже пытался?

— На нас напали в лесу, — сказала я. — Чёрный Всадник отбил.

— Значит, он знает, — отец сжал кулаки. — И будет пытаться снова.

— Пусть пытается, — сказала я. — Я готова.

— Камелия, — мать подняла заплаканное лицо. — Будь осторожна. Он опасен. Он показал это.

— Я знаю, мама. Я шесть лет жила с ним под одной крышей. Я знаю, на что он способен.

— Ты не знала главного, — мать покачала головой. — Ты не знала, что он травит тебя.

— Теперь знаю, — сказала я. — И теперь я сделаю всё, чтобы он ответил.

Мы сидели у камина. Мать, отец и я. Шесть лет разлуки. Шесть лет ошибок. Шесть лет боли.

— Иди спать, дочь, — сказал отец. — Завтра трудный день.

Я встала. Поцеловала мать в щёку. Обняла отца.

— Я люблю вас, — сказала я.

— Мы тебя тоже, — ответила мать.

Я вышла в коридор. Чёрный Всадник стоял у стены, скрестив руки на груди.

— Всё в порядке? — спросил он.

— Почти, — ответила я. — Завтра в Эйслин.

— Я готов.

— Я знаю.

Я пошла в свою комнату.

Меня ждала постель. Тёплая, мягкая, с подушками, которые пахли домом. Но я не спала. Лежала и смотрела в потолок, где когда-то были нарисованы звёзды.

А потом пришло письмо.

— Госпожа, — голос Миры за дверью. — Вам письмо.

Я села. Мира вошла с пергаментом в руке — белым, с золотой каймой. С печатью Огненной Империи.

— Откуда? — спросила я.

— Слуга принёс. Сказал, что гонец ждал у ворот три дня.

Я взяла пергамент. Сломала печать. Прочитала.

«Камелия.

Пишу тебе, потому что считаю нужным поставить точку. Не люблю незавершённых дел.

Ты была хорошей женой. Верной. Преданной. Но империи нужен наследник. Ты не смогла его дать. Это не твоя вина, и не моя. Так распорядилась судьба.

Я не держу на тебя зла. Надеюсь, и ты не держишь.

Прилагаю к письму содержание на первый год. Этого хватит, чтобы устроиться в Кар-Драконе или любом другом месте, которое выберешь. Не позорь моё имя, Камелия. Не вступай в дешёвые скандалы. Не рассказывай сказки про отраву. Веди себя достойно.

Если тебе понадобится помощь — обращайся к моему

казначею. Он получил указания.

Эдгар Огненный, король Огненной Империи».

Я дочитала. Перечитала ещё раз. Потом — ещё.

Потом я рассмеялась.

Вошла мать, отец, Мира. Все перепуганные.

— Что случилось?

Я протянула письмо отцу. Он прочитал. Его лицо стало каменным.

— Сказки про отраву, — прочитал он вслух. — Он называет это сказками.

— Брось в огонь, дочь, — сказала мать.

— Нет, — я покачала головой. — Не сейчас. Пусть лежит. Как напоминание. О том, что я была дурой. И о том, что больше никогда ею не буду.

Я спрятала письмо в шкатулку.

— Завтра в Эйслин, — сказала я. — А потом — я вернусь. И тогда он узнает, что такое настоящие сказки. С кровавым концом.

Мать обняла меня. Отец положил руку на плечо.

Чёрный Всадник остался в коридоре. Часовым. Стражем. Тенью.

Я легла спать.

И впервые за шесть лет я не боялась завтрашнего дня.

Мой бывший

Глава 5. Следы на запястьях

«Иногда правда прячется там, где ты меньше всего хочешь её найти. Но это не значит, что не нужно искать».

— Астарот, бывший главный лекарь Огненной Империи

Дорога в Эйслин заняла полтора дня.

Мы петляли по просёлочным трактам, прятались от чужих глаз, меняли лошадей на заброшенных станциях. Чёрный Всадник не доверял никому — ни встречным путникам, ни хозяевам трактиров, ни даже воздуху.

— Он ищет тебя, — сказал он на второй день, когда мы остановились на ночлег в заброшенной лесной сторожке. — После того как ты сбежала, он поднял всех своих людей.

— Откуда знаешь?

— Птицы, — он кивнул на окно, где на ветке сидел ворон. — Я понимаю их язык. Они говорят — в Огненной Империи объявили награду за любую информацию о бывшей королеве.

— Сколько? — спросила я.

— Много. Достаточно, чтобы любой крестьянин захотел тебя продать.

Я усмехнулась.

— Он не меня ищет. Он ищет свои тайны. Боится, что я

расскажу правду.

— И ты расскажешь?

— Обязательно, — сказала я. — Но сначала узнаю её сама.

Мы выехали затемно. Мира дремала в карете, укрывшись старым пледом. Чёрный Всадник ехал впереди, всматриваясь в утренний туман. Я смотрела на его спину и думала о том, кто он на самом деле. Король Малахитовых Земель, который пришёл спасать чужую жену. Странно. Нелогично. Но я не спрашивала — не время.

Эйслин появился из тумана неожиданно.

Маленькая деревня, прилепившаяся к склону холма, больше похожая на кладбище, чем на жилое место. Чёрные крыши, серые стены, редкие огни в окнах. Дома стояли так близко друг к другу, что казалось — они жмутся для тепла.

— Здесь? — спросила я.

— Здесь, — кивнул Чёрный Всадник. — Астарот не хотел, чтобы его нашли. Выбрал самое гиблое место.

Он остановил лошадь у крайнего дома — самого убогого, с покосившимся крыльцом и ставнями, которые держались на честном слове.

— Я первый, — сказал он. — Сиди в карете.

— Нет, — я откинула плед и вышла следом. — Я приехала за правдой. Я и войду первая.

Чёрный Всадник посмотрел на меня долгим взглядом. Спорить не стал.

Мы поднялись на крыльцо. Он постучал — три коротких,

один длинный.

— Код, — пояснил он. — На случай, если чужие.

Дверь открылась почти сразу.

На пороге стояла женщина — старая, с морщинистым лицом и добрыми глазами. Одета в простой серый сарафан, поверх — замызганный фартук. От неё пахло травами и чем-то сладким.

— Она? — спросила женщина, глядя на Чёрного Всадника.

— Она, — ответил он.

Женщина перевела взгляд на меня. Долго смотрела. Потом перекрестилась — широким жестом, как крестьяне в глухих деревнях.

— Проходите, госпожа. Он ждёт. Третий день не спит, всё всматривается в дорогу. Говорит, чует — приедут.

Я шагнула через порог.

Внутри было темно и сыро. Воздух спрессовался от запахов — сотни трав, развешанных пучками под потолком, десятки пузырьков на полках, коптилка, чадящая в углу. Я узнала некоторые травы — те, что пила сама. Княженика. Ромашка. Зверобой. И другие — незнакомые, с резким, горьким запахом, от которого щипало в носу.

— Туда, — женщина указала на дверь в конце коридора. — Не могу на неё смотреть. Сердце болит.

Всадник пропустил меня вперёд. Я толкнула дверь и замерла.

Астарот лежал на постели.

Маленький, сморщенный, с белыми как снег волосами и жёлтой кожей. Он не походил на главного лекаря Огненной Империи — скорее на мертвеца, который забыл вовремя умереть. Худой. Прозрачный. С руками, которые дрожали, даже когда лежали на одеяле.

Но глаза… глаза остались прежними. Тёмными. Живыми. Пронзительными.

— Камелия, — сказал он слабым голосом, и в этом голосе я услышала то, чего не ожидала. Радость. — Ты пришла. А я думал — не доживу.

Я подошла к нему. Села на край постели.

— Астарот… вы…

— Живой? — он усмехнулся, и эта усмешка превратилась в кашель — глухой, мокрый, страшный. Женщина подала ему чашку с отваром. Он отпил. Задышал легче. — Живой, госпожа. Назло ему. Назло всем.

— Я знаю зачем вы здесь, — сказала я. — И зачем я приехала. Рассказывайте.

Астарот посмотрел на меня долгим взглядом. Отложил чашку.

— Ты уверена? Правда тяжёлая. Её невозможно забыть. Невозможно простить.

— Я потеряла двух детей, — сказала я. — Меня травили шесть лет. Меня вышвырнули как мусор на глазах у всей империи. Я больше ничего не боюсь.

Он кивнул.

— Тогда слушай.

***

Дальше он говорил долго. С перерывами — пил отвар, откашливался, закрывал глаза и снова открывал. Я слушала и не верила.

О том, как через месяц после свадьбы взял мою кровь и кровь короля. О том, как нашёл в моей крови огонь — такой сильный, какого не видел никогда. О том, как пошёл к королю и сказал правду.

— Он улыбнулся, — сказал Астарот. — Сказал: «Хорошо, лекарь. Ступай». А через месяц ты потеряла первого ребёнка.

— Я не понял тогда. Понял позже. Когда случайно зашёл в лабораторию ночью. Он смешивал травы. Я узнал запах — полынь, кровь мёртвого дракона, корень молчальника. Вместе они убивают плод за несколько дней.

— Зачем? — спросила я. — Зачем ему было убивать моих детей?

— Чтобы ты не родила, — сказал Астарот. — Наследник от тебя был бы слишком сильным. Он бы не смог его контролировать. А Эдгар не терпит тех, кого не может контролировать.

— И он просто… вырезал их? Моих детей?

— Он даже не считал их детьми, — голос Астарота дрожал. — Для него это были проблемы. Которые нужно устра-

нить.

Я сидела и сжимала край одеяла. Белая ткань мялась под пальцами.

— А моя сила? — спросила я. — Почему она не вернулась?

— Я не знаю, — Астарот покачал головой. — Я думал — вернётся. Брачный договор забирает магию на укрепление империи. Это обычная практика. После развода сила должна вернуться. Если не вернулась…

— Что?

— Значит, он нашёл способ забрать её навсегда. Или… или ты не хочешь её возвращать.

Я подняла на него глаза.

— Не хочу?

— Сила — это не просто огонь, Камелия. Это желание жить. Бороться. Побеждать. Если внутри тебя пустота — никакой ритуал не поможет.

Я сжала кулаки.

— Во мне не пустота. Во мне злость. И она не пройдёт, пока я не уничтожу его.

Астарот посмотрел на меня. Кивнул.

— Тогда покажи метку.

Я подняла левую руку. Отодвинула рукав платья цвета сирени.

На тыльной стороне запястья тускло серела драконья метка — когда-то золотая, живая, пульсирующая. А теперь —

мёртвая. Серая. Пустая.

Астарот взял мою руку. Долго рассматривал. Нюхал. Стучал по запястью костяшкой.

— Она не мертва, — сказал он наконец.

Я замерла.

— Что?

— Она спит. — Он отпустил мою руку. — Метка не умерла. Она просто ушла вглубь. Спряталась. Чтобы её не забрали целиком.

— Кто? Эдгар?

— Эдгар, — кивнул Астарот. — Он пытался вытянуть всю силу до конца. Но метка защитилась. Спряталась там, куда он не может добраться. По крайней мере — пока.

— Как её разбудить?

— Не знаю. Я должен изучить старые записи. Книги. Ритуалы. Всё это осталось во дворце.

— Я привезу, — сказал Чёрный Всадник из дверного проёма. — Напишите список.

Астарот посмотрел на него.

— Это опасно. Тебя узнают.

— Меня никто не знает, — ответил Чёрный Всадник. — Я не светился при дворе. А без лица и имени я — пустое место.

— Хорошо, — Астарот кивнул. — Я напишу.

Он повернулся ко мне.

— А ты, Камелия… ты должна быть готова. К тому, что правда окажется страшнее, чем ты думаешь.

— Я готова, — сказала я.

Астарот посмотрел мне в глаза.

— Твой муж женился на тебе не из-за союза, Камелия. И не из-за наследника. Ему нужна была твоя сила. И твоя кровь. Чтобы воскресить её.

— Её?

— Летицию. Первую жену. Ту, которая умерла при загадочных обстоятельствах. Он хочет вернуть её. А ты… ты была для него просто источником.

Мир покачнулся.

— Ты врёшь, — прошептала я.

— Я никогда не врал тебе, — сказал Астарот. — В этом моя беда. Я всегда говорил правду. За это меня и сослали.

Я сидела, сжимая край одеяла, и не могла дышать.

Шесть лет брака. Шесть лет я думала, что он меня любит. Шесть лет я верила в его улыбку, его ласку, его слова.

А он просто использовал меня. Как донора крови. Как сосуд для силы. Как мясо для ритуала.

— Я убью его, — сказала я. Голос не дрожал. — Клянусь своей мёртвой меткой — я убью его.

Астарот посмотрел на меня. В его глазах была грусть.

— Не ты первая, Камелия. И не ты последняя. Но я помогу тебе. Чем смогу.

За окном светало. Серый рассвет разгонял тьму.

Я вышла на крыльцо. Чёрный Всадник стоял у кареты, разговаривал с Мирой. Увидел меня — замолчал.

— Ну? — спросил он.

— Он сказал правду, — ответила я. — Всю. До конца.

— И что теперь?

— Теперь я хочу спать. Спать и не видеть снов. А завтра — искать способ вернуть силу. И уничтожить его.

Чёрный Всадник кивнул.

— Завтра так завтра. А сегодня — спи.

Я забралась в карету. Мира укрыла меня пледом.

Я закрыла глаза.

Передо мной стояло его лицо. Эдгара. Красивое. Холодное. Лживое.

Я вспомнила свою первую беременность — как он держал меня за руку, пока я истекала кровью. Как шептал: «Ничего, родная. Попробуем снова». И верила ему.

Я вспомнила вторую — как он стоял в дверях и бросил: «Мы нанимаем новых лекарей». И вышел. Не обернувшись.

Я вспомнила, как пила его отвар каждое утро — горький, с кисловатым привкусом. Как задерживала дыхание, чтобы не вырвало. Как думала — это любовь.

Любовь.

Какое красивое слово для яда.

Я заснула.

И мне снились сны.

Огненные. Чёрные. Полные крови.

Глава 6. Служанка рассказывает правду

«Слуги видят всё. Они как стены — молчат годами, но помнят каждую трещину».

— Старая поговорка Огненной Империи

Я проснулась от того, что кто-то плакал.

Сначала я подумала — мне снится. Но звук не исчезал, а становился всё отчётливее. Тихие всхлипы, прерывистое дыхание, шорох ткани. Я открыла глаза.

Мира сидела на полу, прижавшись спиной к стене, и плакала. Не так, как плачут от боли или обиды — молча, сжавшись в комок, будто пыталась стать меньше, незаметнее, невидимкой.

— Мира, — позвала я.

Она вздрогнула. Подняла на меня красные, распухшие глаза.

— Госпожа… вы не спите?

— Что случилось?

— Я не могу, — прошептала она. — Я должна вам сказать. Я не имею права молчать.

Я села на кровати. В комнату пробивался серый утренний свет — мы всё ещё были в доме Астарота, в тесной каморке с низким потолком и запахом сушёных трав.

— Говори.

Мира вытерла слёзы тыльной стороной ладони. Посмотрела на дверь — заперта. На окно — задёрнуто шторой. Только потом начала говорить.

— Я не вся правду сказала вам. Про маму. Про записи. Про то, что она знала.

— Какую правду?

— Её не просто сослали, госпожа. Её пытали.

У меня похолодело внутри.

— Что?

— Я нашла её потом. Через месяц после того, как она исчезла из дворца. Она лежала в канаве за деревней, вся в синяках, без зубов, без двух пальцев на руке. Я сначала не узнала её.

Мира закрыла лицо руками. Всхлипывала, но продолжала говорить — сквозь слёзы, сквозь боль.

— Она сказала мне: «Беги, дочка. Беги из этого дворца. И никогда не возвращайся». А я не послушалась. Я вернулась. Я устроилась к вам служанкой. Потому что знала — если я уйду, никто не расскажет вам правду.

— Какую правду, Мира?

Она подняла голову. Посмотрела мне в глаза. В её взгляде было что-то, чего я раньше не видела — решимость, грани-

чащая с безумием.

— Моя мать не просто подслушала разговор про отвар. Она была там. В лаборатории. Она видела, как главный лекарь смешивает яд.

— И?

— И она видела, кто стоял рядом и смотрел. Не король. Не его советники. А женщина. Та самая, которая сейчас носит его ребёнка. Изабелла.

Я замерла.

— Изабелла знала про отвар?

— Она не просто знала, госпожа. Она его готовила, — голос Миры дрожал. — Она приносила травы. Она помогала лекарю. Она… она была в этом с самого начала.

Я сидела, сжимая край одеяла, и пыталась переварить услышанное. Изабелла. Моя подруга. Девчонка, которую я вытащила из нищеты. Она не просто спала с моим мужем — она помогала делать меня бесплодной. Она собственноручно готовила отвар, который убивал моих детей.

— Моя мать узнала её, — продолжала Мира. — Изабелла часто приходила в лабораторию. Все знали, что она любовница короля. Но никто не знал, что она делает там по ночам.

— Почему твоя мать не рассказала об этом сразу?

— Потому что Изабелла сама выдала её. Она пришла к королю и сказала, что моя мать шпионит за лекарем. Что она всё видела и может рассказать. Король приказал схватить её в ту же ночь.

— А тебя?

— Меня не тронули. Думали, я ничего не знаю. А я… я прикинулась дурой. Глупой, смиренной служанкой, которая ничего не замечает.

Мира замолчала. Я смотрела на неё и впервые увидела то, что раньше не замечала. Не просто девушка. Не просто служанка. Она была солдатом. В тылу врага. Один против всех.

— Ты рисковала жизнью каждый день, — сказала я.

— Я знала, что вы рано или поздно уйдёте. Или вас вышвырнут. Тогда я смогу передать вам правду.

— Почему ты не рассказала всё сразу?

— Потому что вы бы не поверили, — Мира посмотрела на меня. — Вы любили его. Вы верили ему. Если бы я сказала вам полгода назад, что ваш муж и ваша подруга травят вас — вы бы выгнали меня. Или того хуже — рассказали бы ему. А он бы убил меня. И мою мать. И всех, кого я люблю.

Она была права. Я бы не поверила. Я бы выгнала её. А потом пила бы свой отвар дальше, думая, что это лекарство.

— Твоя мать жива? — спросила я.

— Жива. Но без рук, без зубов, без памяти. Она не помнит, как меня зовут. Не помнит, где живёт. Не помнит, что случилось. Боги забрали у неё боль. Но забрали и всё остальное.

Я встала. Подошла к Мире. Обняла её.

— Спасибо, — сказала я. — За смелость. За то, что не сбежала. За то, что рисковала.

— Я не заслуживаю спасибо, — прошептала она. — Я молчала слишком долго.

— Ты молчала, чтобы выжить. Это не стыдно.

Мы сидели на полу, обнявшись, и молчали.

А за окном светало. Новый день. Новый этап.

— Теперь я знаю всё, — сказала я. — Про отвар. Про Изабеллу. Про его первую жену. Про ритуал.

— Что вы будете делать?

— Сначала — верну себе силу. Потом — я заставлю их заплатить. Каждого. Его. Её. Всех, кто знал и молчал.

— А мать? — спросила Мира. — Моя мать. Ей нужна помощь. Лечение.

— Мы поможем ей, — сказала я. — Клянусь своей меткой. Когда верну силу — мы поможем всем, кому он сделал больно.

Мира кивнула. Вытерла слёзы.

— Я верю вам, госпожа.

— Не называй меня госпожой, — сказала я. — Просто Камелия. С этого момента мы не госпожа и служанка. Мы подруги. Сёстры по несчастью.

Мира посмотрела на меня. В её глазах блеснуло что-то — надежда?

— Спасибо, Камелия.

— Спасибо тебе, Мира.

Мы встали. Поправили платья. Открыли дверь.

В коридоре стоял Чёрный Всадник.

— Всё? — спросил он.

— Почти, — ответила я. — Ещё одно дело. А потом — поедем в Кар-Дракон.

— Зачем?

— Мира сказала, что её мать жива. В деревне за Эйслином. Я хочу навестить её. Хочу увидеть собственными глазами, что он сделал с теми, кто пытался мне помочь.

Чёрный Всадник посмотрел на меня долгим взглядом.

— Это хорошая мысль, — сказал он. — Иногда правда не в словах. Иногда она в шрамах.

— В шрамах, — повторила я. — И в сломанных пальцах. И в пустых глазах.

Я взяла Миру за руку.

— Веди.

Она кивнула.

Мы вышли во двор. Утреннее солнце пробивалось сквозь туман, разгоняя тьму.

Начинался новый день.

День, когда я перестала быть жертвой.

Глава 7. Дорога домой

«Возвращаться домой с пустыми руками — не стыдно. Стыдно возвращаться с пустым сердцем».

— Герцогиня Элинор Кар-Дракон

Мать Миры жила в хижине на окраине деревни.

Старая, покосившаяся дверь. Забитые досками окна. Крыша, поросшая мхом. Я смотрела на этот дом и не могла поверить — здесь жил человек. Здесь доживала свой век женщина, которая попыталась спасти меня.

— Она не узнает вас, — тихо сказала Мира. — Она никого не узнаёт.

— Всё равно, — ответила я. — Я должна её увидеть.

Мы вошли.

Внутри было темно и сыро. Пахло кислым молоком и старым тряпьём. В углу на продавленной кровати лежала женщина — маленькая, сморщенная, с белыми как лунь волосами и пустыми глазами, уставившимися в потолок.

Я подошла ближе. Её руки лежали поверх одеяла. Пальцев не было. Только культяпки, затянувшиеся грубой кожей.

— Мамочка, — позвала Мира. — Мама, к тебе пришли.

Женщина не пошевелилась. Не повернула голову. Её губы шевелились, но звуков не издавали — как у рыбы, выбро-

шенной на берег.

— Она говорит молитвы, — прошептала Мира. — Всё время. С утра до ночи. Молитвы. Иногда плачет. Но не помнит, почему.

Я села на край кровати. Взяла её руку — культю, обтянутую рубцами. Погладила.

— Спасибо вам, — сказала я. — За то, что пытались меня спасти. За то, что рисковали. За то, что не побоялись.

Глаза женщины скользнули по мне — пустые, невидящие — и вернулись к потолку.

— Она не слышит, — сказала Мира. — Она ничего не слышит.

— Слышит, — ответила я. — Где-то глубоко. Я верю.

Я поцеловала её в лоб. Кожа была холодной и сухой.

— Мы ей поможем, — сказала я Мире. — Когда я верну силу — мы её вылечим. Или найдём тех, кто вылечит.

— Её уже не вылечить, — тихо ответила Мира. — Целители говорили. Душа ушла. Тело осталось.

— Никогда не говори «никогда».

Я встала.

— Мы вернёмся, — сказала я женщине. — С победой. Я обещаю.

Она не ответила.

Мы вышли. Чёрный Всадник ждал у кареты.

— В Кар-Дракон? — спросил он.

— В Кар-Дракон, — ответила я. — Домой.

***

Дорога домой заняла три дня.

Мы не спешили — раненый Астарот нуждался в покое, Мира — во сне, я — в тишине. Чёрный Всадник вёл карету по проселочным дорогам, петляя, чтобы сбить со следа возможных преследователей.

Я смотрела в окно и думала.

О том, как юная девчонка уезжала из Кар-Дракона, полная надежд. О том, как верила в любовь. О том, как ошибалась.

Я вспоминала его лицо. Красивое. Холодное. Лживое. Его слова: «Ты самая красивая женщина на этом балу». Его стихи — плохие, но такие искренние, как мне тогда казалось. Его походку льва. Его улыбку, которая сейчас вызывала только тошноту.

— О чём думаете? — спросил Чёрный Всадник, заглянув в окно.

— О том, как я была дурой, — ответила я.

— Вы не были дурой. Вы были влюблены. Это разные вещи.

—Восемнадцать лет — не оправдание. Я должна была видеть. Должна была понять. Должна была спросить себя: почему он выбрал именно меня? Из всех женщин империи?

— Потому что вы были самой красивой, — сказал он.

Я усмехнулась.

— Красивых много. А сильных — мало. Ему нужна была моя сила. И он получил её. Почти всю.

Чёрный Всадник промолчал. Он не утешал. Не говорил «всё будет хорошо». И за это я была ему благодарна.

На вторую ночь мы остановились у реки.

Мира развела костёр, сварила похлёбку из сушёного мяса и кореньев. Астарот спал в карете, укрытый двумя пледами. Чёрный Всадник сидел на камне, точил меч и всматривался в темноту.

Я подошла к воде.

Река текла быстро, холодная, тёмная. В ней отражались звёзды — такие далёкие, такие равнодушные.

— Камелия, — раздался голос матери Миры, старой Эльзы, в моей голове. — Беги, дочка. Беги из этого дворца.

Я сбежала. Но поздно. Слишком поздно.

— Госпожа, — Мира подошла сзади. — Пора есть.

— Я не голодна.

— Вы должны есть. Сила не вернётся, если вы будете морить себя голодом.

— Какая сила? — я усмехнулась. — Её нет.

— Будет, — сказала Мира твёрдо. — Я верю.

Я посмотрела на неё. Девчонка. Смелая. Упрямая. Верная. Она чуть не потеряла мать, рисковала жизнью, жила во дворце среди врагов — и не сломалась.

— Откуда в тебе столько сил? — спросила я.

— От злости, — ответила Мира. — Я злая, госпожа. Очень злая. На него. На неё. На всех, кто разрушил мою семью. Злость греет, когда внутри пустота.

Я обняла её.

— Тогда мы с тобой похожи.

***

На третий день мы въехали в Кар-Дракон.

Серое небо, низкие тучи, чёрные башни, уходящие в облака. Родной замок выглядел мрачно и неприступно — как и подобает столице Падших Земель.

Нас ждали.

Ворота были открыты. На крыльце стояли мать, отец и полсотни слуг, выстроившихся в две шеренги. Я вышла из кареты, взяла Миру за руку.

— Не бойся, — сказала я. — Это мой дом. Твой дом тоже.

Мира кивнула. Её глаза блестели, но она держалась.

— Камелия, — мать спустилась с крыльца, обняла меня. — Ты вернулась.

— Я вернулась, мама.

— Астарот с тобой?

— В карете. Он жив. Но очень слаб.

— Его уже ждут лекари. Проводите, — мать кивнула слугам. Те осторожно вынесли Астарота на носилках и унесли в замок.

Отец подошёл ко мне. Посмотрел в глаза.

— Ты узнала правду?

— Всю, — ответила я. — До конца.

— И что теперь?

— Теперь я хочу спать. Два дня в карете — не отдых. А

завтра… завтра начнём всё сначала.

Отец кивнул.

— Я распоряжусь, чтобы приготовили твою комнату.

— И ещё одну — для Миры. Она будет жить с нами. Как член семьи.

Мать удивлённо подняла бровь, но спорить не стала.

— Хорошо, — сказала она. — Как скажешь.

Мы вошли в замок.

Мира оглядывалась по сторонам, как испуганный зверёк. Я взяла её за руку.

— Всё хорошо, — прошептала я. — Ты в безопасности.

— Я знаю, — ответила она. — Просто привыкнуть не могу. Никогда не жила в таких больших домах.

— Привыкнешь.

Чёрный Всадник шёл сзади. Его меч тихо позвякивал о ножны. Он тоже оглядывался — но не как испуганный зверёк, а как хищник, оценивающий территорию.

— Вам выделить комнату? — спросила мать.

— Я буду спать в карете, — ответил он. — Привык.

— Вы наш гость, — сказал отец. — Вы спасли нашу дочь. Мы не позволим вам спать в карете.

Чёрный Всадник посмотрел на него долгим взглядом. Кивнул.

— Тогда спасибо.

Мы разошлись по комнатам.

Я сидела на своей постели, смотрела в окно на серое небо

Кар-Дракона и впервые за шесть лет чувствовала себя дома.

Не в Огненной Империи, где каждое утро пила яд под видом лекарства.

Не в экипаже, где каждую ночь ждала нападения.

А здесь. В замке, где когда-то была счастлива.

— Я вернулась, — сказала я вслух. — Я вернулась и никуда больше не уйду. А если уйду — то только с армией. Чтобы сжечь его дотла.

За окном завывал ветер.

Кар-Дракон встречал меня холодом.

Но внутри меня разгорался огонь.

Тот самый, который я считала погибшим.

Оказывается, он просто ждал.

Глава 8. Нападение

«Они приходят ночью. Всегда ночью. Потому что в темноте легче убивать».

— Из дневника неизвестного

Они пришли на третью ночь.

Я спала в своей старой комнате — той самой, где прошло моё детство. В лицо дуло из щели в окне, одеяло сбилось в ком, подушка пахла лавандой, как двадцать лет назад. Мира лежала на соседней кровати — отец велел принести её, когда узнал, что мы будем спать в одной комнате. «Так спокойнее», — сказала мать. Я не спорила.

Чёрный Всадник занял комнату этажом выше. Он не доверял этому замку. Не доверял слугам. Не доверял даже стенам.

— Здесь пахнет страхом, — сказал он, когда мы поднимались по лестнице. — Старым, застарелым страхом, который въелся в камни. Этот запах не выветривается веками.

— Это Кар-Дракон, — ответила я. — Здесь всегда пахло страхом. Но это не наш страх. Это страх наших врагов.

— Теперь враги внутри, — бросил он и ушёл к себе, даже не попрощавшись.

Я не поняла тогда, что он имел в виду.

Поняла в третью ночь.

***

Мне приснился сон.

Бал. Летний бал. Я снова видела себя со стороны — восемнадцатилетнюю, в платье цвета лунного света, с волосами, уложенными в замысловатую причёску с серебряными шпильками. Левая рука в длинной перчатке до локтя — чтобы никто не увидел метку.

Он входит.

Высокий. Красивый. Светлые волосы падают на лоб. Белоснежная улыбка. Глаза цвета летнего неба. Походка льва — плавная, опасная, хищная.

Он подходит ко мне. Протягивает руку.

— Вы танцуете?

Я протягиваю ладонь — и вижу, что она в крови. Вся. От пальцев до запястья. Кровь капает на пол, на моё белое платье, на его белые перчатки.

— Что это? — спрашиваю я, и голос у меня чужой, детский, испуганный.

— Твои дети, — отвечает он. Всё так же улыбается. — Которых ты не родила.

Я открываю рот, чтобы закричать — и не могу.

Просыпаюсь в холодном поту.

Сердце колотится так, что, кажется, сейчас выскочит из груди. Ночная рубашка прилипла к спине. В комнате темно — хоть глаз выколи. Мира мирно спит на своей кровати,

свернувшись калачиком, тихо посапывает.

Я смотрю в потолок. Стараюсь успокоить дыхание.

В окно не пробивается ни луны, ни звёзд — небо затянуто плотными тучами. Ветер завывает в щелях старых рам.

И вдруг я слышу звук.

Тихий. Шаркающий. Кто-то крадётся по коридору.

Я замираю. В Кар-Драконе никто не ходит ночью. Отец запретил слугам шастать после полуночи — говорит, это тревожит драконов.

Звук приближается. Медленно. Осторожно. Скрип половиц — и снова тишина. Ещё скрип — и снова.

Останавливается у моей двери.

Тишина.

Я не дышу. Мне кажется, что сердце бьётся так громко, что его слышно во всём замке.

Несколько секунд — ничего.

Потом ручка двери медленно поворачивается.

Щелчок.

Дверь открывается.

В проёме — тень. Высокая. Широкая. В руке — меч, тускло поблёскивающий в темноте. Лезвие покрыто чем-то тёмным. Я не хочу думать — чем.

Я не вижу лица. Капюшон скрывает голову. Но я чувствую запах. Дорогой одеколон с нотками дыма и кожи.

Эдгар.

Моё горло сжимается. Я пытаюсь закричать — и не могу.

Голос пропал. Застрял где-то в груди, в горле, в позвоночнике — не вытащить.

Тень делает шаг ко мне.

Второй.

Поднимает меч.

— Ты не должна была возвращаться, — шипит голос.

Не его. Чужой. Низкий. Хриплый. Как у человека, который прокурен и болен.

Меч заносится для удара.

— Камелия! — визжит Мира.

Я открываю глаза.

В комнате светло — свечи горят на столике. Мира стоит надо мной, трясёт меня за плечо обеими руками. Её лицо белое, как мел. Глаза огромные, полные ужаса.

— Вставайте! — кричит она. — Тревога! Вставайте же!

Я сажусь. Голова кружится. Во рту — привкус металла.

— Что?

— Нападение! — Мира трясётся, слова вылетают из неё толчками. — Люди в чёрном лезут через стены! Я слышала крики! Ваш отец уже внизу с мечом!

— А Чёрный Всадник?

— Он велел разбудить вас и увести в подвал! Он сказал — бегом! Живо!

Я сбрасываю одеяло. Ноги не слушаются — ватные, чужие. Хватаю кинжал из-под подушки, накидываю плащ поверх ночной рубашки.

— Где отец? Где мать?

— Внизу! — Мира хватает меня за руку, тащит к двери. — Все внизу! Вы последняя!

Мы вылетаем в коридор.

За окнами — крики. Лязг металла. Звон стрел. Чей-то сдавленный вопль — и тишина. И снова крики.

Двадцать три человека погибли прошлый раз. Чёрный Всадник убил их всех. Но сколько их сейчас? Сколько прорвалось через стены?

— Сколько их? — спрашиваю я на бегу.

— Не знаю! — Мира почти плачет. — Много! Чёрный сказал — человек двадцать!

Двадцать. В замке, где всего десять стражников. И мой отец — старый раненый дракон, который едва ходит. И мать — попаданка с арбалетом.

— Нас перебьют, — выдыхаю я.

— Не перебьют! — Мира тянет меня вперёд. — Он сказал — продержимся до рассвета! А там подойдёт подмога!

— Какая подмога? Откуда в Кар-Драконе подмога?

— Он не сказал!

Мы бежим по коридору. Свечи в настенных подсвечниках погасли — ветер задул их через разбитые окна. Пахнет дымом.

Сзади — топот. Кто-то бежит за нами. Не один.

— Быстрее! — кричу я.

Сворачиваем за угол — и упираемся в глухую стену.

Тупик.

— Ты не туда привела! — я в панике, голос срывается на визг.

— Я думала, здесь проход! — Мира мечется по коридору, шарит по стенам дрожащими руками. — Был же проход! Я помню! Мать показывала!

— Нет здесь никакого прохода! Это угол! Просто угол!

Топот приближается. Вот-вот они будут здесь.

Я сжимаю кинжал. Рукоятка скользкая от пота. Сейчас я выскочу навстречу и буду кричать. Буду бить. Буду царапаться. Буду кусаться. Умру, но не сдаваясь.

— Госпожа, — шепчет Мира. — Я боюсь.

— Я тоже.

Из-за угла вылетает фигура. Высокая. Широкая. Вся в чёрном. Меч залит кровью — она капает на каменный пол.

Наш телохранитель.

— Живы? — бросает он.

— Живы, — выдыхаю я, чувствуя, как ноги подкашиваются.

— Бегом в подвал. Я прикрою.

— А вы?

— Догоню.

— Но их много…

— Догоню, — отрезает он. — Бегом! Живо!

Мы несёмся по коридору. Сзади — звон мечей, крики, чей-то предсмертный хрип. Я не оглядываюсь. Боюсь уви-

деть, как он падает. Боюсь, что если оглянусь — перестану бежать.

Лестница вниз. Ещё одна. Ещё. Я сбиваюсь со счёта.

Подвал находим быстро. Тяжёлая дубовая дверь приоткрыта — из щели пробивается свет.

Я толкаю её плечом.

Мать и отец уже там.

Отец стоит у стены с мечом. Старый, больной, перевязанный после прошлого ранения — но меч в его руке не дрожит. Он сжимает рукоять так, что побелели костяшки.

Мать сидит на перевёрнутом ящике и заряжает арбалет. Пальцы у неё трясутся, но движения точные, отработанные. Попаданка умеет стрелять — её учили в её мире, задолго до того, как она попала в Падшие Земли.

— Камелия! — мать вскакивает, хватает меня в охапку. — Ты цела?

— Цела.

— А наш…

— Прикрывает нас. Сказал — догонит.

Отец кивает, не оборачиваясь.

— Если они прорвутся, — говорит он, — я задержу их. А вы бегите через тайный ход.

— Какой тайный ход? — я оглядываюсь.

Мать отодвигает камень в стене. За ним — тёмный проход, уходящий вниз. Сыростью тянет, плесенью, холодом.

— Твой отец построил его на случай осады, — говорит

она. — Ведёт к реке. Там лодка.

— Вы идёте с нами?

— Нет, — отец качает головой. — Я остаюсь.

— Папа…

— Это мой замок, дочь. Я его строил. Я его защищу.

Я смотрю на него. На седые волосы, заплетённые в тугую косу. На золотые глаза, горящие в полумраке. На морщины, которые стали глубже за последние дни. На меч, который он сжимает побелевшими пальцами.

Я знаю — он не выживет, если они прорвутся. Слишком стар, слишком болен, слишком один против многих.

Но я знаю и другое — он останется. Потому что не умеет отступать. Потому что он дракон.

— Я люблю тебя, папа.

— И я тебя, дочь. А теперь — бегом.

Я хватаю Миру за руку. Мы лезем в тёмный проход.

Сразу становится трудно дышать — воздух спертый, пыльный. Каменный мешок, вырубленный в скале. Стены в каплях влаги. Холод, от которого сводит зубы.

Мы идём вниз. Ступеньки выбиты прямо в камне — неровные, скользкие. Я держусь за стену одной рукой, другой — за Миру.

Сзади — грохот.

Кто-то выломал дверь в подвал.

— Держитесь! — кричит отец.

И я слышу звон металла. Крики. Хрипы. Мать стреляет из

арбалета — я узнаю звук пружины.

Я закрываю глаза.

Не могу. Не могу представить, что они там. Одни. Без нас.

— Идёмте, — Мира тянет меня за руку. Голос у неё дрожит, но она держится. — Нельзя останавливаться. Он велел идти.

— Я не могу бросить их.

— Вы безоружны. У вас кинжал против мечей. Что вы сделаете? Что вы сделаете, Камелия?

Я смотрю на неё. Мира плачет. Слёзы текут по её лицу, оставляя мокрые дорожки. Она не вытирает их.

— А если они умрут? — шепчу я. — Если мы выйдем, а их уже не будет?

— Тогда будем мстить, — говорит Мира. — Всю жизнь. Каждый день. До последнего вздоха.

Я смотрю на неё — испуганную, дрожащую, но не бросившую меня. И понимаю: она права. Я ничего не сделаю. Только погибну. И она погибнет, если вернётся за мной.

А потом будет некому мстить.

— Идём, — говорю я. — Идём.

Мы идём вниз. Шаг за шагом. Ступенька за ступенькой.

Сзади всё тише становятся крики. Потом они затихают совсем.

Я не знаю — закончилось всё или нас просто не слышно.

Мы идём долго. Может, десять минут. Может, час. Я потеряла счёт времени.

Коридор заканчивается тупиком. Я нащупываю рукой стену — камень холодный, шершавый.

— Тупик? — голос Миры срывается. — Зашли в тупик?

Я толкаю стену. Она не поддаётся.

— Здесь должен быть выход. Отец сказал — выход к реке.

Я ощупываю камни. Толкаю каждый. Стучу.

Один из них чуть проваливается внутрь.

— Мира, помоги!

Мы налегаем вместе. Камень медленно уходит в стену, открывая проход.

Свежий воздух ударяет в лицо. Холодный, влажный, пахнущий водой и тиной.

Мы вылезаем наружу.

Ночь. Звёзды. Река — чёрная, быстрая.

И лодка. Маленькая, деревянная, привязанная к колышку.

— Быстро! — кричу я.

Мы бежим к лодке. Мира дрожащими руками возится с узлом — верёвка намокла, затянулась намертво.

Я помогаю. Пальцы не слушаются — я сдираю кожу о грубую верёвку, но узел не поддаётся.

— Режь! — Мира суёт мне нож.

Я перерезаю верёвку.

Лодка отплывает. Холодная вода плещется о борта. Я хватаю вёсла — никогда в жизни не держала их в руках.

— Гребите! — Мира смотрит на замок. — Смотрите!

Я оборачиваюсь.

Из окон замка вырывается пламя. Нижние этажи уже охвачены огнём. Дым поднимается к небу, закрывая звёзды.

Наш дом горит.

— Папа, — шепчу я. — Мама.

Я не знаю, живы ли они. Не знаю, выжил ли наш телохранитель. Не знаю, есть ли у нас дом, в который можно вернуться.

Я гребу. Изо всех сил. Вёсла тяжёлые, вода холодная, руки скользят.

Лодка медленно, очень медленно отдаляется от берега.

За спиной — крики. Звон металла. Рёв пламени.

Я не оборачиваюсь.

Не могу.

Минуты тянутся как часы.

Вёсла выскальзывают из рук. Я снова хватаю их. Гребу. Снова.

Мира сидит на корме, сжавшись в комок, и смотрит на горящий замок. Она не плачет. Просто смотрит.

Мы причаливаем к противоположному берегу.

Лодка с глухим стуком упирается в камни. Я выбираюсь на берег, падаю на колени. Руки трясутся, вёсла сжимать больше не могу.

— Госпожа… — Мира подходит, кладёт руку на плечо.

— Не называй меня госпожой.

— Камелия. Что теперь?

— Ждать.

— Чего?

— Не знаю.

Я сижу на холодной земле и смотрю на горящий замок.

Пламя становится всё выше. Окна вываливаются, стены трескаются. Крики затихают.

Мы ждём.

Пять минут. Десять. Полчаса.

Тьма не рассеивается. Огонь не гаснет.

А потом из пламени выходят три фигуры.

Высокая, в чёрном — наш телохранитель. Он тащит на себе отца — отец без сознания, голова свисает на грудь.

Рядом — мать. Она поддерживает его с другой стороны. Её лицо в копоти, волосы растрёпаны, но она идёт. Смотрит прямо перед собой.

Живы.

Все живы.

Я пытаюсь встать — ноги не слушаются. Падаю.

— Камелия! — Мира подхватывает меня. — Они живы! Слышите? Они живы!

Я слышу.

Но не могу пошевелиться.

Слишком много за одну ночь. Слишком много страха. Слишком много крови.

Я сижу на земле и смотрю, как они приближаются.

Холодный ветер треплет мою мокрую ночную рубашку.

Замок горит.
Но мы живы.
Значит, бой выигран.
Хотя война только начинается.

Глава 9. Тайна чёрного всадника

«Иногда те, кто спасает тебе жизнь, оказываются опаснее тех, кто пытается тебя убить».

— Древняя мудрость Падших Земель

Рассвет пришёл серый и тяжёлый.

Замок гудел как потревоженный улей — слуги таскали вёдра с водой, лекари перевязывали раненых, стражники стаскивали тела в одно место, чтобы потом хоронить. Двадцать три наёмника в чёрном. Ни одного живого. Отец потом сказал — он сам считал. Молча. С каменным лицом.

Я сидела на крыльце, закутавшись в старый плед, и смотрела, как увозят трупы на телеге. Мира принесла чай с мятой, но я не пила — только держала кружку в руках, грела замёрзшие пальцы. Утро было холодным, как будто лето кончилось в тот самый момент, когда сгорел наш дом.

— Госпожа… Камелия, вам нужно поесть, — сказала Мира.

— Потом.

— Госпожа, вы вчера тоже сказали «потом».

— Мира, оставь меня. Пожалуйста.

Она вздохнула, помялась у двери, потом ушла. Я слышала, как она разговаривает с кем-то на кухне — голос тихий,

усталый. Она тоже не спала эту ночь. Мы все не спали.

Я осталась одна.

Отец был жив. Стрела прошла в двух пальцах от сердца — кто-то наверху меня любит, раз уж так вышло. Мать вытащила стрелу сама, залила рану кипящим маслом и перевязала чистыми тряпками. Лекари сказали — выживет. Но к драконьему обличью вернётся не скоро. Может, вообще никогда.

Мать не пострадала. Только руки разбиты — отбила пальцы, когда перезаряжала арбалет. Я перевязывала её вечером. Она не ойкнула ни разу.

А он… его я не видела.

— Камелия, — мать вышла на крыльцо, села рядом, по-деревенски поджав под себя ноги. Она иногда так делает — когда забывает, что она герцогиня. Мать устала, как и все мы. Глаза красные, но не плакала. — Ты как?

— Вспоминаю, — ответила я.

— Что?

— Летний бал. Мне восемнадцать. Я в платье цвета лунного света. Вхожу в зал и вижу его. И думаю — как же мне повезло.

— Ты не виновата, — мать взяла меня за руку. Ладонь у неё была шершавая — от арбалета, от верёвок, от работы, которую она никогда не любила, но делала, потому что надо.

— Знаю, — я повернулась к ней. — Но стыдно. Стыдно за то, какой я была дурой. Шесть лет не замечала очевидного.

— Он тебя отравил, — мать сжала мои пальцы. — Не ле-

чил, не поил полезными травами, а травил. Сладкой улыбкой и золотой чашкой. Это трудно заметить, когда любишь. Почти невозможно.

— Я должна была заметить.

— Ты должна была выжить. Ты выжила. Этого достаточно.

Я покачала головой, но спорить не стала. Не было сил.

День тянулся медленно — как каша, которую мешают ложкой и никак не могут сварить. Я помогала лекарям перевязывать раненых. Ходила к отцу — он спал, лицо белое, как простыня, но дыхание ровное, не хрипит. Сидела с матерью на кухне, пила чай, молчала. Мира была рядом. Тоже молчала.

Мы все молчали.

Потому что всё, что нужно было сказать, уже сказали под утро, глядя на горящий замок с другого берега. А то, что не сказали, можно было обсудить и потом. Когда отойдём. Когда перестанем вздрагивать от каждого стука.

Вечером он вышел.

Я сидела в кухне одна — Мира ушла мыться, мать была у отца — и перебирала в голове события последних дней, пыталась сложить их в одну понятную картину. Ничего не складывалось.

Он вошёл без стука, просто открыл дверь и шагнул через порог. Чистый, в чёрном камзоле, волосы ещё мокрые после мытья. Без оружия — впервые с момента нашего знакомства.

Я даже не знала, что он может быть таким... обычным. Уязвимым.

— Вы не ранены? — спросила я.

— Царапины. — Он сел напротив, через стол от меня. — Не страшно.

— Кто они были?

— Наёмники. Из Огненной Империи. Я проверил клейма на оружии.

— Эдгар?

Он помолчал. Взял кружку с мятным чаем, которую Мира оставила на столе. Понюхал. Отпил. Поморщился — не любит мяту, поняла я. Поставил кружку обратно.

— Или кто-то, кто хочет, чтобы мы думали на Эдгара.

— Ты думаешь, это не он?

— Я не думаю, Камелия. Я проверяю. Улик пока недостаточно.

«Камелия». Он сказал «Камелия». Не «госпожа», не «вы». Просто — Камелия. Как равной. Как той, кому можно доверять.

Я посмотрела на него внимательнее. Шрам на подбородке — старый, давний. Малахитовые глаза — холодные, но что-то в них было тёплое, когда он смотрел на меня. Не любовь, нет. Скорее — узнавание. Как будто он видел во мне кого-то знакомого. Или — себя.

— Есть другие версии? — спросила я.

Он откинулся на спинку стула, посмотрел в потолок.

— Твой дядя. Теодор. Я навожу справки. Он много проиграл в карты за последние годы. Поместья, земли, даже права на торговлю. Ему нужны деньги. Очень нужны.

— Ты думаешь, он мог нанять убийц? Чтобы получить наследство?

— Или просто за мешок золота продать тебя. С потрохами.

Я сжала кружку так, что пальцы побелели.

— Теодор — мой дядя. Он знал меня с детства. Он приносил мне игрушки. Учил стрелять из лука.

— Деньги не знают родства, Камелия. И не помнят игрушек.

Я молчала. Потому что он был прав. Дядя всегда завидовал отцу. Всегда считал, что ему досталось меньше. И если он действительно проиграл всё, что имел...

— Есть ещё одна версия, — сказал он тихо. — Тебе она не понравится.

— Какая?

— Король Райан.

Я замерла.

— Он боится войны с Огненной Империей. Падшие Земли слабы. Если Эдгар решит напасть — у нас нет шансов. Райану легче убрать тебя, чем воевать. Ты для него — разменная монета. Способ избежать крови.

— Ты полагаешь, что король Падших Земель нанял убийц, чтобы убить дочь своего советника?

— Я предлагаю не исключать ни одной версии, пока не появятся доказательства. Люди убивают за власть. За деньги. За страх. У Райана есть все три причины.

Мы сидели молча. Слышно было, как за окном кричат вороны. Как скрипит половица под дверью — кто-то прошёл, но не зашёл. Как где-то далеко плачет ребёнок — может, у кого-то из слуг.

— Кто ты? — спросила я. — Настоящий. Не Чёрный Всадник, не наёмник, не спаситель. Кто ты?

Он посмотрел на меня долгим взглядом. В его глазах мелькнуло что-то — боль? Страх? Он быстро спрятал это за маской спокойствия, но я успела заметить. Потому что сама так делала тысячи раз.

— Тот, кто однажды не смог защитить свою семью.

— Расскажи, — сказала я мягко. — Поделись болью… если хочешь. Я никому не скажу. Клянусь.

Он молчал так долго, что я уже думала — не ответит. Смотрел в стол, перебирал пальцами край кружки. Потом заговорил. Тихим, ровным голосом, будто читал чужую историю. Будто боялся, что если скажет громче — разобьётся.

— Мою жену звали Агата. Дочь — Эмили. Ей было пять лет. Пять лет, Камелия.

Я не дышала.

— Агата была родом из Огненных Земель. Из простой семьи — отец кузнец, мать прачка. Она с детства работала в архивах, переписывала документы для местного лорда. У неё

был красивый почерк и очень хорошая память. Она запоминала всё, что видела.

— Как вы встретились?

— Я приехал в Огненные Земли по делам. Остановился в той же гостинице, где она снимала комнату. Увидел её в коридоре — она несла стопку бумаг и споткнулась. Бумаги рассыпались. Я помог собрать. Она поблагодарила и улыбнулась. С тех пор я не мог забыть эту улыбку.

Он замолчал. Я видела, как дрожит его подбородок — едва заметно. Он сжал челюсть, справился.

— Агата была некрасивой в общепринятом смысле. Худенькая, веснушчатая, с рыжими волосами, которые вечно лезли в глаза. Но её смех… он заражал всё вокруг. Когда она смеялась, хотелось смеяться вместе с ней. Даже если было не над чем.

— Как долго вы были вместе?

— Шесть лет. Шесть лет, Камелия. Она переехала ко мне, когда мы поженились. Бросила свою работу, свой дом, свою землю — всё. Ради меня. Сказала: «Где ты — там и я». Я не заслуживал такой любви.

Он провёл рукой по лицу, будто стирал что-то невидимое.

— А потом ей предложили работу в королевском архиве Огненной Империи. Хорошее жалование. Свой кабинет. Доступ к древним документам. Она так гордилась этим. Говорила: «Я буду переписывать историю, Кэ…». — Он осекся. — Я буду переписывать историю.

— Что она нашла?

— Записи о ритуале. О том, как вытягивают силу из драконов. О том, что Эдгар уже делал это раньше. С первой женой. Агата не поняла сначала, что именно держит в руках. Думала, старые сказки. Но потом сверила даты, имена, подписи свидетелей. Всё совпадало.

— И она рассказала кому-то?

— Только мне. По птице. Письмо пришло за день до… того. Я был далеко. Читал и не верил. Думал — показалось. Решил — разберусь, когда вернусь.

Его голос дрогнул. Впервые за всё время — дрогнул.

— Я не успел, Камелия. Они пришли ночью. Агата спрятала Эмили в погребе. Сказала: «Сиди тихо, мама скоро придёт». Эмили сидела. В темноте. Одна. Слушала, как маму убивают наверху. Ей было пять лет. Пять.

Я закрыла глаза. Представила маленькую девочку в погребе. Тёмном, холодном. Она зажимает рот руками, чтобы не закричать. Слышит шаги, крики, удары. И ждёт. Ждёт маму, которая не придёт.

— Когда я вернулся — дом сгорел. Соседи уже вытащили тела. Агата лежала в повозке, накрытая простынёй. Я откинул край. Её лицо… его не было, Камелия. Они разбили ей лицо. Чтобы я не узнал. Но я узнал по рукам. По пальцам, которыми она держала меня за руку, когда мы смотрели на звёзды.

Он замолчал. Я молчала. Мы молчали.

Слышно было, как за окном ветер раскачивает ветви старого дуба.

— Эмили нашли в погребе. Она не плакала. Не кричала. Просто сидела, обхватив колени, и смотрела в одну точку. Неделю не говорила ни слова. Потом сказала: «Мама просила сидеть тихо. Я сидела тихо, папа. Почему она не пришла?»

— Что ты ей ответил?

— Ничего. Не нашёл слов. И не найду уже никогда.

Он уставился в стол. Я видела, как его пальцы сжали кружку так, что костяшки побелели. Как дёрнулся кадык.

— Они убили и её. Через месяц. Подкинули яда в молоко. Сказали — случайность. Отравление. Я знал — нет. Но доказательств не было.

Он поднял голову. Посмотрел на меня. В его глазах стояли слёзы — он не давал им пролиться, но они были там.

— Теперь ты знаешь, почему я здесь, Камелия. Не ради тебя. Ради них. Я не смог спасти Агату. Не смог спасти Эмили. Но я могу спасти тебя. И, может быть, это… искупит хоть что-то.

— Ты не виноват, — сказала я.

— Виноват, — он покачал головой. — Я был далеко. Думал, что они в безопасности. Думал, что никто не посмеет. Ошибался. Дважды.

Он встал, подошёл к окну, повернулся спиной ко мне. Я смотрела на его широкие плечи, на чёрный камзол, на руки, сжатые в кулаки.

— Почему ты пришёл защищать меня? Не из-за Астарота. Не из-за денег. Почему именно я?

Он повернулся. В его глазах я увидела то, чего не ждала — усталость. Такую же, как у меня. Бесконечную, выматывающую, когда хочется лечь и не вставать, но нельзя.

— Потому что ты смотришь на огонь так же, как она, — сказал он. — Агата. Тоже сжимала кулаки, когда злилась. Тоже не сдавалась, когда всё было против неё. Даже когда поняла, что умрёт — она не плакала. Просила только об одном: «Позаботься об Эмили».

— Я не смог позаботиться об Эмили, — он провёл рукой по лицу. — Но могу позаботиться о тебе.

Он подошёл к столу, сел напротив. Взял мою руку — просто накрыл своей. Горячей. Сухой. Шершавой. Пальцы у него дрожали.

— Я не знаю, кто нанял этих убийц, Камелия. Эдгар, Теодор, Райан — кто-то из них. Или все вместе. Но я знаю одно: ты — ключ. Если ты погибнешь — они выиграют. Если выживешь — у них не будет покоя. Ни у кого из них.

Я смотрела на его пальцы, сжимающие мою ладонь.

— Ты поэтому здесь? Чтобы не дать им выиграть?

— И поэтому тоже, — он убрал руку. — Иди спать, Камелия. Завтра будет трудный день.

— А ты?

— Я посижу здесь. Не хочу оставаться один.

— Я тоже, — сказала я. — Не хочу.

Он кивнул. Я закрыла глаза.

Слышала, как он дышит — ровно, спокойно, как кремень. Как потрескивают дрова в камине. Как где-то далеко кричит ночная птица.

И впервые за много ночей я уснула без страха.

Утром, когда я проснулась, его уже не было. На столе стояла кружка свежего чая. И маленький пирожок с вишней — горячий, только из печи. Без косточек.

Я улыбнулась.

Впервые за шесть лет.

Глава 10. Ты не бесплодна

«Самая страшная ложь — та, которую ты говоришь себе сам. Самая горькая правда — та, которую ты узнаёшь от других».

— Астарот, бывший главный лекарь Огненной Империи

Астарот позвал меня на рассвете.

Старая женщина — та, что открыла нам дверь в Эйслине, — привезла его в Кар-Дракон вместе с нами. Он лежал в отдельной комнате на первом этаже, где было тепло и сухо. Стены увешаны травами, на столе — пузырьки и склянки, в углу — кровать, на которой он спал. Пахло сушёной ромашкой, мятой и ещё чем-то горьким, лекарственным. Я чувствовала этот запах ещё в Огненной Империи, когда он заходил ко мне с утренним осмотром. Тогда я думала — это запах заботы. Теперь я знала — это запах лжи.

Сегодня он не спал. Сидел, подложив под спину подушки, и смотрел в окно. За окном серел рассвет — тяжёлый, усталый, как и мы все после той ночи. Слуги до сих пор убирали тела. Двадцать три человека. Двадцать три жизни, которые кто-то прервал, чтобы добраться до меня.

— Ты вызывал меня? — спросила я, входя.

— Я позвал тебя, Камелия, — он повернулся ко мне. В

его глазах была решимость. Такая же, как у отца, когда он остался прикрывать нас в подвале. Такая же, как у Чёрного Всадника, когда он рубился с наёмниками в коридоре. Старый лекарь решил говорить правду. — Присаживайся. Разговор будет долгим.

Я села на стул у кровати. Стул был жёстким, с прямой спинкой, и скрипел при каждом движении. Я сложила руки на коленях и ждала.

— Ты не спала, — сказал он.

— Не могла.

— Страшно?

— Всё уже было, — ответила я. — Страшнее, чем сейчас. Я видела, как горит мой дом. Я слышала, как отец кричит в темноте. Я думала, что теряю его. После этого трудно бояться чего-то ещё.

Астарот кивнул. Помолчал. Потом начал говорить. Не спеша, как старые люди, которые знают, что время идёт не в их пользу, и стараются не тратить слова зря.

— Ты не бесплодна, Камелия. Твои выкидыши не были случайностью. Ты знаешь это. Но я хочу, чтобы ты услышала это от меня.

— Я знаю, — сказала я. — Отвар. Полынь. Кровь мёртвого дракона. Корень молчальника. Я уже знаю это. Мира дала мне записи. Я видела рецепт своими глазами.

— Ты знаешь, что тебя травили. Но ты не знаешь, что твой организм… он не пострадал навсегда. Я боялся этого. Боял-

ся, что яд сделал своё дело и ты больше никогда не сможешь зачать. Шесть лет отравы — это не шутка. Некоторые травы проникают в костный мозг, оседают в печени, меняют состав крови навсегда.

— И что?

— Я проверил. Пока ты спала, я взял твою кровь.

— Не спрашивая меня?

Он посмотрел мне в глаза. Без тени смущения или вины.

— Если бы я спросил — ты бы отказалась. Сказала бы, что это не важно, что сейчас не до того, что сначала нужно разобраться с другими делами. Но это важно, Камелия. Это самое важное.

Я молчала. Потому что он был прав. Я бы отказалась. Мне было не до себя. Мне было не до моего тела, моей крови, моего будущего. Я думала только о том, как выжить сегодня.

— Твоё тело чисто, — сказал Астарот. — Яд выведен. Полностью. Печень восстановилась, кровь очистилась. В твоём организме не осталось ничего, что могло бы помешать зачатию. Ты можешь рожать. Когда захочешь. От кого захочешь.

Я закрыла глаза.

Не от радости. Не от облегчения. А от странной, пустой тишины, которая наступила внутри. Будто кто-то выключил звук. Будто мир замер на мгновение, чтобы я могла переварить услышанное.

Сколько лет я винила себя? Сколько ночей лежала без сна

в Огненной Империи, в той огромной холодной постели, и перебирала в голове: что я сделала не так, почему моё тело не может выносить ребёнка, почему у других получается, а у меня — нет? Я проклинала себя. Считала сломанной. Неполноценной. Ничтожной. Я думала, что боги отвернулись от меня, что природа ошиблась, что моя драконья кровь — это проклятие, а не дар.

А он просто травил меня. Каждое утро. С улыбкой. С поцелуем в лоб. С нежным: «Пей, дорогая, это для твоего здоровья».

Я открыла глаза.

— Ты плачешь, — сказал Астарот.

— Я не плачу. — Я провела рукой по лицу. Щеки были мокрыми. Пальцы дрожали. — Оказывается, плачу.

— Поплачь, — сказал он. — Это полезно. Слёзы выводят горе. Как трава выводит яд. Не сдерживайся. Никто не войдёт. Я никого не пущу.

Я плакала. Сидела на жёстком скрипучем стуле в комнате старого лекаря, в которой пахло ромашкой и мятой, и плакала. Не от боли — от облегчения. Потому что вина, которую я носила в себе шесть лет, оказалась не моей. Потому что моё тело не было сломлено. Потому что я смогу родить. Когда-нибудь. От кого-то другого. От того, кто не будет приносить мне яд в золотой чашке.

— Сколько ещё? — спросила я сквозь слёзы. — Сколько ещё таких, как я?

— Не знаю, — Астарот покачал головой. — Я не следил за другими. Только за тобой. Ты была моей пациенткой. Моей ответственностью. И я подвёл тебя.

— Вы не подвели.

— Подвёл. Молчал. Боялся. Смотрел, как ты пьёшь отраву, и ничего не говорил. Это называется предательство, Камелия. Каким бы красивым словом его ни прикрывали.

— Вы выживали, — сказала я. — Выживать — это не предательство.

— Выживать — это не жить, — он повторил свои слова из Эйслина. — Но иногда выживание важнее.

Он закашлялся — глухо, надрывно, так, что я испугалась. Я вскочила, подала ему чашку с отваром, поддержала за плечи, пока он пил. Его тело было лёгким — кожа да кости. Старый, больной, сломанный человек. И единственный, кто сказал мне правду.

— Астарот, — спросила я, когда он задышал ровнее, — вы знаете, кто готовил этот отвар?

— Лекарь. Главный лекарь. Тот, кого я заменил. Его уже нет в живых. Умер через год после того, как меня сослали. Я не знаю — своей смертью или чьей-то помощью.

— Кто ему приказал?

Астарот покачал головой.

— Не знаю. Думаю — король. Эдгар. Он был заинтересован больше всех. Но мог и кто-то другой. Изабелла — она была приближена к лекарю, помогала ему, приносила травы.

Да кто угодно, у кого есть деньги и злоба.

— А записи? — спросила я. — Те, что нашла Мира. Этого недостаточно?

— Бумаги, которые ты видела, доказывают, что отвар был. Доказывают, что его готовили специально для тебя. Но не доказывают, кто его заказал. Подпись лекаря стоит. А он мёртв. Спросить не у кого.

Я сжала кулаки.

— А архивариус? — спросила я. — Старая женщина, которая вела библиотеку Кар-Дракона до своей смерти. Я слышала о ней. Мира говорила — у неё был тайный архив. Бумаги, копии, записи со всего континента.

— Амелия, — Астарот покачал головой. — Она была умной женщиной. Слишком умной для своего времени. Она знала всё обо всех. Собирала сплетни, слухи, документы. Проверяла их, перепроверяла. Хранила правду в своей библиотеке.

— Она умерла? — спросила я. — Не от старости?

Астарот посмотрел на меня долгим взглядом.

— Думаю, да, — сказал он тихо. — Кто-то прознал про её архив. Кто-то решил, что она знает слишком много. Её нашли мёртвой в собственной постели. Врачи сказали — сердце. Но я видел её за месяц до смерти. Крепкая была женщина. Здоровая.

— Ты знал? Знал, что её убили?

— Догадывался. — Он устало прикрыл глаза. — Но у ме-

ня не было доказательств. Как и сейчас. Только обрывки, только догадки, только страх, что следующим буду я.

— А что было в её архиве?

— Всё, — Астарот открыл глаза. — Всё, что происходило в Падших Землях и за их пределами за последние сорок лет. Договоры, тайные соглашения, письма, которые никогда не должны были увидеть свет. Если ты найдёшь её записи — возможно, найдёшь и имена. И того, кто заказал отвар. И того, кто убил Амелию. И тех, кто стоит за нападением на замок.

— Где этот архив?

— Я не знаю. Амелия никому не говорила. Онабыла скрытной. Но твоя служанка, Мира… её мать дружила с Амелией. Помогала ей. Может быть, Эльза знала. Или догадывалась.

— Эльза не реагирует на звуки, — сказала я. — Её пытали. Она в тяжёлом состоянии…

— Тогда ищи сама, — Астарот покачал головой. — Архив где-то в замке. Амелия не вывозила бумаги — она не доверяла чужим рукам. Значит, он здесь. В стенах Кар-Дракона.

Я кивнула. Встала.

— Я найду его, — сказала я. — И тогда посмотрим, кто из них король, а кто палач.

— Будь осторожна, — Астарот поймал меня за руку. Пальцы у него были холодными и слабыми. — Если архив существует — за ним будут охотиться. И те, кто уже пытался

тебя убить, не остановятся.

— Я знаю.

— Ты не знаешь главного, — он сжал мою ладонь. — Эдгар — не единственный, кто хочет твоей смерти. И не самый страшный. Те, кто действует из тени, опаснее. Их не видно. Их не слышно. Они наносят удар, когда ты не ждёшь.

— Как Амелию?

— Как Амелию, — кивнул он. — Как Астарота. Как твою служанку Эльзу. Не доверяй никому, Камелия.

Я вышла в коридор.

Чёрный Всадник стоял у двери, скрестив руки на груди. Его лицо было непроницаемым, как каменная маска. Но глаза — малахитовые, холодные — смотрели на меня с чем-то, похожим на беспокойство.

— Слышал? — спросила я.

— Достаточно.

— Теперь я знаю, что могу родить.

— Это хорошо, — сказал он.

— Это ничего не меняет, — ответила я. — Я всё равно буду мстить.

Он посмотрел на меня долгим взглядом.

— Это меняет, Камелия, — сказал он тихо. — Теперь у тебя есть будущее. Не только прошлое. Ты можешь строить новую жизнь. Не только разрушать старую.

— Я не умею строить, — сказала я. — Я умею только разрушать. Он научил меня.

— Отвыкнешь.

— Отвыкают от плохой еды, — я усмехнулась. — А от привычки выживать — не отвыкают.

Он не ответил. Только аккуратно взял меня руку — просто так, без слов. И мы пошли по коридору. Вместе. К завтраку. К новому дню. К правде, которая была где-то там, в тайном архиве старой архивариус.

Я не знала, что найду. Имена. Даты. Приказы. Доказательства, ради которых стоит жить.

Или ещё больше боли, от которой захочется умереть.

Но я должна была попробовать.

Ради себя. Ради Агаты и Эмили. Ради всех, кто не выжил.

Я могла родить. Я не была сломана. Не была бесплодна.

Всё это время — шесть лет — я носила чужую вину.

Но теперь — нет.

Теперь я свободна.

Глава 11. Тайны архива

«Ложь имеет свойство обрастать деталями. Чем дольше ты врёшь, тем сложнее становится твоя конструкция. И тем больнее падать, когда она рушится».

— Старая поговорка архиварисов

Я нашла архив Амелии на второй день после разговора с Астаротом.

Мы с Мирой обшарили библиотеку вдоль и поперёк. Сдвигали стеллажи, стучали по стенам, простукивали пол. Ничего. Я уже начала злиться — время шло, а мы топтались на месте. Эдгар мог прислать новых наёмников. Теодор мог вернуться с подкреплением.

— Госпожа, — Мира окликнула меня из дальнего угла. — Идите сюда.

Я подошла. Она стояла на коленях у стены, на которой висел портрет старой женщины в чёрном платье.

— Это Амелия? — спросила я.

— Да. Моя мать говорила, что это самый умный человек в замке. Никому не доверяй, кроме неё.

Я приблизилась к портрету. Глаза Амелии смотрели прямо на меня — живые, цепкие, будто она знала, что я когда-нибудь приду. Я провела рукой по раме, по стене. Один

из камней чуть заметно выступал вперёд.

— Дай кинжал, — попросила я Миру.

Она протянула нож. Я вставила лезвие в щель вокруг камня и надавила. Камень поддался, ушёл внутрь, открывая нишу. В ней лежал ключ — старый, чёрный, с круглой головкой.

— Ключ от её тайной комнаты, — сказала я. — Астарот говорил.

— Где комната?

Я оглянулась. Старая женщина не могла далеко ходить — ноги болели, колени скрипели. Значит, тайник должен быть рядом. Мира подошла к дальнему стеллажу, надавила на корешок одной из книг. Секунда — и стеллаж бесшумно отъехал в сторону, открывая дверь.

Мы вошли.

Комната была маленькой — шаг в ширину, два в длину. Вдоль стен — папки, коробки, сундуки. На столе — стопка пергаментов, чернильница, перо. Я взяла верхний.

«Тому, кто ищет правду. Амелия».

Мы сели на пол, разложили вокруг себя бумаги.

Первая папка была о моей матери.

Я читала и не верила своим глазам.

«Лина. Участвовала в отборе невест для короля Райана двадцать шестого года. Девушек было тридцать — из знатных семей, из соседних королевств, даже из-за моря. Лина приехала из маленькой деревни на границе. Ни рода, ни

денег, ни связей. Только красота и острый ум. Король влюбился в неё с первого взгляда. Он хотел выбрать её. Но она отказалась».

— Твоя мать? — Мира заглянула через плечо. — Участвовала в отборе?

— Читай дальше.

«Лина сказала: «Я не создана для трона. Я для леса, для свободы, для тишины». Райан был раздавлен. Он предлагал ей всё — золото, земли, титулы. Она отказалась. Потому что встретила Даркена — изгнанного дракона, который жил в Ничьих землях. И выбрала его».

Я отложила папку.

— Она никогда не рассказывала мне этого, — сказала я. — Ни про отбор, ни про Райана, ни про то, что была невестой короля.

— Может, стыдилась? — предположила Мира.

— Или боялась. Если бы Эдгар узнал, что моя мать могла стать королевой Падших Земель — он женился бы на мне в любом случае. Но использовал бы этот факт против неё. Против всех нас.

Вторая папка была о брачном договоре.

«Эдгар Огненный прислал предложение о союзе. Король Райан согласился сразу — он боялся войны. Даркен был против, но дочь настояла. В договоре есть пункт, который никто не заметил: «Магия жены поступает в распоряжение мужа на время брака». Это формула. Она вытягивает си-

лу из драконицы и отдаёт её королю. Я запомнила этот пункт. На всякий случай».

— Он знал, — я сжала кулаки. — Эдгар знал, что моя сила уйдёт к нему. И ничего не сказал.

— Ты читала договор? — спросила Мира.

— Читала. Но мне было восемнадцать. Я видела только красивые слова. О любви, о верности, о вечном союзе.

Третья папка — о первой жене.

«Летиция. Умерла при загадочных обстоятельствах. Официальная причина — несчастный случай. Но я нашла записи лекаря. Её кровь была отравлена. Тем же ядом, который потом давали Камелии. Эдгар хотел её силу. Он получил её. Но Летиция не выжила».

— Господи, — Мира закрыла лицо руками. — Он убил свою первую жену.

— И хотел убить меня, — я отложила папку. — Не сразу. Сначала вытянуть силу. Потом избавиться.

Четвёртая папка была об отваре. Изабелла.

«Яд готовит главный лекарь. Но травы приносит Изабелла — фрейлина Камелии. Она знает, что делает. Она помогает королю. За это он обещал ей корону. Письма — в этой папке».

Мы перебрали письма. Эдгар писал Изабелле — нежно, влюблённо, обещая трон, богатство, власть. Она отвечала так же. А между строк — просьбы принести травы. Даты. Дозировки.

— Она была не просто любовницей, — сказала Мира. — Она была убийцей.

— Была. И будет.

Пятая папка — о нападениях.

«Эдгар боится, что правда всплывёт. Он уже пытался убить меня — не вышло. Теперь он нанимает наёмников. Их клейма — в этой папке».

Я нашла рисунок клейма — чёрный ворон на мече. Тот же самый знак, который Чёрный Всадник видел на оружии наёмников в лесу.

— Это он, — сказала я. — Эдгар. Всё время был он.

— А как же твой дядя? Король Райан?

— Они просто удобные цели. Чтобы я думала, что врагов много. А враг один.

Шестая папка была тонкой — всего несколько страниц.

«Я не всё успела. Болезнь пришла раньше, чем я думала. Но ты, читающий эти строки, продолжишь. Иди до конца. Не бойся. Правда стоит того. P.S. Если ты — Камелия, знай: ты сильнее, чем думаешь. И ты не бесплодна. Амелия».

Я закрыла папку.

— Она знала, — сказала я. — Она всё знала и спрятала это для меня.

— Что теперь? — спросила Мира.

— Теперь я знаю всё. Про мать, про Райана, про отбор. Про отвар. Про Изабеллу. Про наёмников. И про то, что я

не бесплодна.

— Что ты сделаешь с этим знанием?

— Сначала — верну силу, — я встала. — Потом — уничтожу их. Всех.

Я вышла в коридор. Чёрный Всадник стоял у стены.

— Нашла? — спросил он.

— Всё. Правду. Она оказалась страшнее, чем я думала.

— Всегда так, — сказал он. — А теперь идём. Астарот ждёт.

Я пошла за ним.

Архив остался позади.

Глава 12. Малиновый закат

«Самая тяжёлая ноша — не корона, а пустая колыбель. Самая долгая ночь — та, в которой не слышно детского плача».

— Эпитафия на детском кладбище Падших Земель

Я пришла на смотровую башню Кар-Дракона, потому что не могла уснуть. Это было моё место с детства — когда мне было грустно или страшно, я поднималась сюда, смотрела на горы и дышала. Ветер сдувал тревоги, высота заставляла забыть о мелком.

Я не ожидала никого встретить.

Он уже был там. Стоял у парапета, спиной ко мне, и смотрел на закат. Ветер трепал его чёрные волосы, полы длинного плаща развевались за спиной, как крылья. Он выглядел так, будто родился здесь — хотя я знала, что он из других земель, из-за гор, из-за морей, из мест, где небо серое и низкое.

— Ты здесь? — удивилась я.

Он обернулся.

— Не спится?

— Не спится, — я подошла к парапету, встала рядом. Не слишком близко, но и не на расстоянии вытянутой руки.

— Красиво, — сказал он.

— Очень, — я перевела взгляд на горизонт.

Внизу расстилались Падшие Земли. Горы, покрытые сизым мхом, уходили вдаль — зубчатые, неровные, как челюсть древнего дракона. Леса темнели в низинах, пряча в себе ручьи и водопады. Солнце садилось за горизонт, окрашивая небо в багрянец, золото и лиловый — такие цвета бывают только здесь, на стыке осени и зимы, когда природа прощается с теплом.

— Я никогда не видел такого, — сказал он тихо. — В моих краях всё иначе.

— Скучаешь?

— Нет, — он покачал головой. — Не по чему.

Он замолчал. Я молчала. Мы смотрели на закат, и в этой тишине было что-то такое, от чего хотелось закрыть глаза и запомнить этот момент навсегда.

— Камелия, — он повернулся ко мне. — Я хочу тебя кое о чём спросить.

— Спрашивай.

— Ты когда-нибудь думала о том, чтобы начать новую жизнь? Не мстить, не искать правду, не бояться. А просто — взять и начать?

Я задумалась.

— Думала, — ответила я. — Но не знаю как. Слишком много боли. Слишком много сожжённых мостов.

— На мне тоже, — он усмехнулся. — Но я надеюсь. Когда всё закончится.

— Когда всё закончится, — повторила я.

Он взял мою руку. Просто так, не думая. Провёл пальцами по запястью — там, где была метка. Легко. Едва касаясь.

По телу прошёл разряд. Жаркий. Острый. Такой, что перехватило дыхание. Ладонь загорелась, будто он прикоснулся не пальцами, а раскалённым железом.

Он отдёрнул руку первым.

— Прости, — сказал он. — Не хотел.

— Ничего, — ответила я слишком быстро.

Я сжала пальцы в кулак, чтобы скрыть дрожь. Внутри всё кипело. Я хотела, чтобы он снова коснулся меня. Хотела, чтобы придвинулся ближе. Хотела, чтобы поцеловал — здесь, на башне, под багряным небом, сжимая меня в объятиях так, чтобы я забыла всё.

Я хотела этого. И ненавидела себя за это.

— Мне пора, — я отступила на шаг. — Завтра ритуал. Надо выспаться.

— Камелия...

— Спокойной ночи.

Я почти бегом спустилась по лестнице. Сердце колотилось где-то в горле. Ладонь горела там, где он касался.

На лестнице я остановилась. Прижалась лбом к холодному камню.

— Дура, — прошептала я. — Какая же я дура.

Я гнала от себя эти мысли. Он — наёмник. Он — союзник. У него была жена и дочь. Между нами не может быть ничего, кроме дела.

Но когда я закрыла дверь своей комнаты, я прислонилась к стене и закрыла глаза.

Передо мной стояло его лицо. Шрам на подбородке. Малахитовые глаза. И его голос, когда он сказал: «Я надеюсь».

— Что ты делаешь со мной? — прошептала я в темноту.

За дверью — тишина.

Он не пришёл.

И слава богам.

Потому что если бы он пришёл — я бы не устояла.

Я легла в постель, укрылась одеялом с головой и заснула.

Мне снились горы. Ветер. Его рука на моей руке.

И багряный закат.

Визуал к главе 12.

Глава 13. Гнев драконьей крови

«Дракон не прощает. Дракон помнит. Дракон ждёт своего часа. А когда час наступает — пепел остаётся только от тех, кто стоял на пути».

— Древняя клятва Падших Земель

Это случилось на рассвете.

Я сидела в комнате Астарота — помогала ему перебирать травы. Он учил меня различать княженику и полынь, чтобы я больше никогда не перепутала лекарство с ядом. Мои руки дрожали. Не от страха — от злости, которая копилась внутри уже много дней.

— Успокойся, — сказал Астарот. — Трава не терпит суеты.

— Я не могу спокойно смотреть на полынь, — ответила я. — Каждый раз, когда я её вижу, я вспоминаю.

— Что именно?

— Его улыбку. Как он приносил мне эту дрянь в золотой чашке и говорил: «Пей, дорогая. Это для твоего здоровья».

Астарот отложил пучок травы. Посмотрел на меня долгим, изучающим взглядом.

— Ты готова? — спросил он.

— К чему?

— Вернуть силу.

Я замерла.

— Сейчас?

— Сейчас. — Он кивнул. — Чем быстрее начнём, тем быстрее закончим. Эмоции — ключ к драконьей крови. Ты сдерживаешь себя. Боишься потерять контроль. Боишься, что огонь сожжёт тебя изнутри. Но ты не сможешь вернуть силу, пока не позволишь себе чувствовать.

— Я чувствую, — сказала я.

— Не всё. Ты блокируешь самое сильное. Ярость. Жажду мести. Желание убивать.

Я замолчала.

Он был прав. Я боялась. Боялась, что если позволю себе разозлиться по-настоящему — не смогу остановиться. Превращусь в чудовище. Как он.

— Дракон — не чудовище, — сказал Астарот, будто прочитав мои мысли. — Дракон — это сила, которую ты направляешь. Если ты будешь держать её в клетке — она сожрёт тебя изнутри. Если выпустишь — сожжёшь врагов.

— А если я сожгу не только врагов?

— Значит, ты ещё не научилась управлять. Но научишься.

Он протянул мне пучок полыни.

— Сожги. Сама. Без магии. Старым способом.

Я взяла кремень и кресало — меня учили в детстве. Высекла искру. Сухая трава вспыхнула мгновенно — ярко, жарко, с треском.

Я смотрела на огонь и чувствовала, как внутри что-то откликается. Метка на запястье кольнула.

— Ещё, — сказал Астарот.

Я подожгла следующий пучок. Потом следующий. Потом следующий. Огонь разгорался. В комнате стало жарко. Дым застилал глаза. Метка кольнула сильнее — и вдруг вспыхнула. Не золотом, как раньше. Не ярко, как когда-то. Но вспыхнула. Тёплым, живым, пульсирующим светом.

Я смотрела на свою руку, на метку, которая слабо светилась сквозь пепел и копоть. Она была слабой, почти прозрачной, но она была. Она вернулась.

— Сила не вернулась полностью, — сказал Астарот. — Но первый шаг сделан.

— Как мне вернуть всё?

— Ты должна найти источник своего гнева. Не просто вспоминать — прожить. Снова. С начала.

— Я не хочу снова это переживать.

— Придётся, — он посмотрел на меня. — Сила дракона рождается из боли. Чем сильнее боль — тем сильнее огонь. Ты прошла через ад. Теперь используй его как топливо.

Я закрыла глаза.

Я вспомнила нашу первую встречу. Летний бал. Его улыбку. Его глаза. Как он смотрел на меня — будто я была центром вселенной.

Я вспомнила нашу свадьбу. Белое платье. Корону, которая давила на лоб. Его клятвы — громкие, красивые, пустые.

Я вспомнила первую беременность. Как я обрадовалась, когда увидела две полоски. Как он обнял меня и сказал: «Наконец-то». Как я потеряла ребёнка через две недели. Его лицо. Ни боли. Ни сожаления. Только холодное: «Попробуем снова».

Я вспомнила вторую беременность. Как я боялась. Как молилась каждую ночь. Как он не приходил. Как потеряла и второго. Как он стоял в дверях и сказал: «Мы нанимаем новых лекарей». И вышел.

Я вспомнила, как пила отвар каждое утро. Горький, кислый, с привкусом смерти. Как он приносил его сам. Как смотрел, как я пью. Как улыбался.

Я вспомнила Изабеллу. Её улыбку. Её живот. Её слова: «Ты так старалась, милая. А у меня получилось с первого раза».

Я вспомнила публичный развод. Его голос: «Королева Камелия бесплодна». Смех зала. Шёпот: «Наконец-то», «Бесполезная кукла», «Зря место занимала».

Я вспомнила всё.

Каждое унижение. Каждую боль. Каждую каплю яда, которую проглотила с его улыбкой.

Когда я открыла глаза — метка на моём запястье горела.

Не слабым, прозрачным светом — а ярким, золотым, пульсирующим.

— Я чувствую, — сказала я.

— Что? — спросил Астарот.

— Огонь. Внутри. Маленький, слабый, но он есть.

— Это начало, — он кивнул. — Теперь ты знаешь, как его разжигать.

Я встала. Посмотрела на свои руки. Они перестали дрожать.

— Что теперь? — спросила я.

— Теперь ты должна научиться им управлять.

— Как?

— Практика. Каждый день. По чуть-чуть. Не торопись. Сила не любит спешки.

В дверь постучали. Вошёл Чёрный Всадник.

— Всё в порядке? — спросил он, посмотрев на моё запястье.

— Всё в порядке, — ответила я. — Метка проснулась.

— Я вижу.

Он подошёл ближе. Взял мою руку, посмотрел на метку. Его пальцы были тёплыми, и я снова почувствовала тот самый разряд — острый, жаркий.

— Не трогай, — сказал Астарот. — Она ещё слаба. Любое прикосновение может погасить огонь.

— Прости, — Чёрный Всадник отпустил мою руку. — Не хотел.

— Ничего, — я спрятала запястье в рукав. — Главное, что она жива.

— Жива, — повторил он.

Мы вышли из комнаты Астарота. В коридоре было тихо.

Только ветер гудел за окнами.

— Ты боишься? — спросил он.

— Немного, — призналась я. — Боюсь, что не смогу контролировать. Боюсь, что огонь вырвется наружу и сожжёт всё вокруг.

— Не вырвется, — он покачал головой. — Я рядом. Я помогу.

— Ты не обяза...

— Я знаю, — перебил он. — Я помогаю не потому, что обязан. Я помогаю, потому что хочу.

Я посмотрела на него. На его малахитовые глаза. На шрам на подбородке. На руки, которые сжимали рукоять меча.

— Спасибо, — сказала я.

— Не за что.

Мы пошли по коридору. Рядом. Почти касаясь плечами.

Я чувствовала тепло его тела. И старалась не думать об этом.

Метка на запястье пульсировала в такт сердцу.

Огонь возвращался.

А вместе с ним — надежда.

Глава 14. Мать что-то скрывает

«Самые опасные тайны — те, которые хранят те, кого ты любишь. Потому что когда они вскрываются — больно вдвойне».

— Герцогиня Элинор Кар-Дракон

Мать нашла меня в библиотеке.

Я сидела за столом Амелии, перебирала бумаги — искала хоть какую-то зацепку. Папки были разложены вокруг, но я уже второй час смотрела в одну и ту же страницу и ничего не видела.

— Камелия, — мать вошла без стука. — Ты занята?

— Ищу правду, — ответила я. — Как обычно.

Она села напротив. Долго молчала. Смотрела на огонь в камине, перебирала пальцами край стола. Потом заговорила — не спеша, будто перелистывала старую книгу, которую давно не открывала.

— Ты знаешь, что я из другого мира, — начала она. — Но не знаешь, как я попала сюда.

— Расскажи.

— Я умерла в понедельник в 8:47 утра, — сказала мать. — Просто переходила дорогу на зелёный свет. А водитель красного «Форда» — с телефоном в руке — проехал на красный.

Всё. Удар. Хруст. Темнота.

Я замерла. Она никогда не рассказывала этого. Никто из слуг не знал. Даже отец, наверное, слышал эту историю не от неё.

— А потом я открыла глаза на каменном столе, — продолжала мать. — В подземелье. В цепях. Надо мной стояла женщина с белыми волосами и жёлтыми змеиными глазами. Она говорила, что моё тело заняло чужую жизнь. Что та, кто была здесь до меня, украла артефакт у императорского дома. И что меня будут пытать, пока я не скажу, где он.

— И что ты?

— Я ничего не знала. Я вообще ничего не знала. Я только что умерла под колёсами машины, а меня уже обвиняли в краже. Они влили мне кровь дракона — думали, я умру и перед смертью заговорю. Но я не умерла. Метка истинной наследницы проступила на моём запястье. А потом дверь взорвалась.

— Отец?

— Даркэн, — мать кивнула. — Он вошёл в камеру, как бог огня. Высокий, широкоплечий, с чёрными волосами до плеч. Глаза — как лава, красные, расплавленные. Он посмотрел на меня и спросил: «Кто ты такая, маленькая самозванка?» А я попросила пять минут, чтобы доказать, что не лгу.

— И он поверил?

— Он дал мне шанс, — мать усмехнулась. — Пять минут — ничтожно мало, когда нужно доказать дракону, что

ты не врёшь. Но бесконечно много, когда твои вены только что промыли расплавленным золотом.

Она замолчала. Я не перебивала.

— Мы бежали, — продолжила мать. — С балкона башни на его спине. Он нёс меня над городом, а внизу выла стража. Три луны светили нам в спины. Ветер сбивал дыхание. И я улыбалась. Как безумная. Потому что это был первый раз в моей жизни, когда я по-настоящему жила.

— Вас преследовали?

— Всегда, — мать покачала головой. — Каждый день. Каждую ночь. Ищейки императора, наёмники, конкуренты. Они шли по нашему следу, как голодные псы. Мы не могли оставаться на одном месте дольше недели.

— Что вы делали?

— Скрывались. Сражались. Выживали. Даркэн учил меня языку, учил драться, учил управлять драконьей кровью, которая кипела во мне. Я боялась его сначала — страшный, молчаливый, с холодными глазами. А потом поняла — он просто сломанный человек. И он мой дом.

— А отбор невест? — спросила я.

— Принц Райан объявил отбор, когда старый король заболел, — мать вздохнула. — Даркэн сказал: «Это твой шанс. Во дворце тебя не достанут». Я не хотела идти. Но он настоял. Сказал, что если я останусь — меня убьют. И он не сможет это пережить.

— Ты пошла.

— Я пошла, — мать кивнула. — И выиграла. Обошла всех знатных невест, дочерей герцогов и иностранных принцесс. Райан выбрал меня. Он был красивым, молодым, богатым. Но я не могла. Не смогла.

— Ты отказала ему.

— При всех, — мать посмотрела мне в глаза. — Сказала: «Я не для трона. Я для леса. Я выбрала другого». Райан был раздавлен. Но он отпустил меня. Сказал: «Иди. Но если ты когда-нибудь понадобишься — я позову».

— А потом?

— Старый король пал, — голос матери стал тише. — Райан занял трон. И начались бунты. Те, кто не хотел подчиняться новому королю, подняли мятеж. Райан умолял нас прийти. Без нашей силы он бы не справился. Мы пришли.

— И вы подавили бунты.

— Мы подавили, — мать кивнула. — Но нас пытались убить постоянно. Особенно когда я забеременела тобой.

— С первого дня?

— С первого дня, — она положила руку на живот. — Будто кто-то знал, какая сила растёт во мне. Наёмники шли за мной по пятам. Ищейки императора — те, кто охотился на меня с самого начала — вернулись с новыми силами.

— Ты дважды чуть не похоронила отца.

— Дважды, — мать кивнула. — Первый раз — когда ему пробили лёгкое стрелой. Я вытаскивала её своими руками, без лекарей, без магии. Он не дышал две минуты. Я крича-

ла, плакала, била его по щекам — а он не просыпался. А потом он открыл глаза и сказал: «Ты такая громкая». Я чуть не убила его сама от облегчения.

— А второй раз?

— Второй — когда я была на восьмом месяце с тобой, — мать посмотрела в окно. — На нас напали в лесу. Даркэн закрыл меня собой. Его изрубили так, что я не знала, соберут ли его кости. Я тащила его до хижины три часа. Он был без сознания. Я зашивала раны, отогревала его своим телом, молилась всем богам, которых не знала. Три дня он был на грани.

— Он выжил.

— Он выжил, — мать улыбнулась. — Как и ты. Как и я.

— А потом родилась я.

— А потом родилась ты, — мать посмотрела на меня. — И все ахнули. Твоя сила была такой яркой, что ослепляла. Метка на твоём запястье загорелась в первую секунду, как ты сделала первый вдох.

— Я помогла подавить бунты?

— Ты уничтожила целое войско, когда тебе было девять месяцев, — мать покачала головой, будто до сих пор не верила. — Наёмники подошли к стенам Кар-Дракона. Твой отец был ранен, я стояла у ворот с арбалетом, и нас было слишком мало. А ты сидела у меня за спиной в слинге. Смотрела на огонь, на дым, на крики. А потом подняла руку — маленькую, пухлую — и испепелила десять человек одним ударом.

— Я не помню этого.

— А я помню, — мать сжала мою руку. — Каждую секунду. Как твои глаза засветились золотом. Как пламя вырвалось из твоих пальцев. Как наёмники побежали. Как ты потом заснула у меня на груди, улыбаясь.

Мы сидели молча. В камине потрескивали дрова.

— Ты самая сильная наследница пламени, Камелия, — сказала мать. — Твоя сила обязательно проснётся. И ты сильнее, чем ты думаешь.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что я носила тебя под сердцем. Потому что я видела, как ты сожгла врагов, когда другие дети только учились ползать. Потому что твоя кровь — моя кровь. А моя кровь прошла через драконье пламя и выжила.

Я обняла её.

— Спасибо, мама.

— За что?

— За правду. За то, что рассказала.

— Ты должна была узнать это раньше, — мать погладила меня по голове. — Я боялась. Прости.

— Прощаю.

Она ушла.

Я осталась одна. Смотрела на огонь в камине.

Моя мать умерла под колёсами машины в понедельник в 8:47 утра. Потом очнулась в подземелье, в цепях, с чужой кровью в венах. Отец сжёг её палачей. Они бежали, скры-

вались, сражались. Она прошла отбор, выиграла его, отказалась от трона. Она дважды спасала отца от смерти. Она родила меня — и в девять месяцев я уничтожила войско.

Моя сила вернётся.

Она не может не вернуться.

Когда-нибудь я прочитаю эту историю целиком. Узнаю, как она выжила, как полюбила, как стала той, кем стала. Она обещала написать книгу. Я дождусь.

Но не сейчас.

Сначала война.

Потом — книга.

Комментарий от автора :

Примечание автора: история матери Камелии — Лины, её попадание в мир драконов, встреча с Даркэном и начало их любви — подробно описана в первой книге цикла «В сердце дракона». Там вы узнаете, как она выжила в каменной камере, как драконья кровь изменила её тело, как она училась управлять силой и как её сердце оттаяло под взглядом самого опасного изгнанника империи. Книга доступна на Литнет. Читайте и влюбляйтесь в эту историю с самого начала.##

Глава 15. Тайный архив Амелии

«Иногда мёртвые знают больше, чем живые. Иногда их молчание громче любых криков».

— Эпитафия на могиле архивариуса Амелии

Я сидела в библиотеке, перебирая бумаги из архива, когда в дверь постучали.

— Войдите, — сказала я, не поднимая головы.

Вошел Чёрный Всадник. Он был без плаща, в одной чёрной рубашке с закатанными рукавами. На его запястье мерцала метка — та самая, что когда-то принадлежала его жене Агате.

— Ты не спишь, — сказал он.

— Не могу. Каждый раз, когда закрываю глаза, я вижу её.

— Изабеллу?

— Её живот. Её улыбку. Его руку на её талии.

Он сел напротив. Помолчал.

— Я нашёл кое-что, — сказал он. — В подвале. За старым винным погребом.

Я подняла голову.

— Что?

— Комната. Запертая. Я не смог открыть, но под дверью лежал клочок пергамента.

Он протянул мне смятый листок. Я развернула его. По-

черк был старым, выцветшим, но разборчивым.

«Ключ у твоей матери. Она знает, что делать. Амелия».

— Мать? — я перечитала ещё раз. — Откуда у неё ключ?

— Спроси у неё, — Чёрный Всадник встал. — Я буду ждать здесь.

Я вышла в коридор.

***

Мать я нашла в её комнате. Она сидела у окна и смотрела на луны. Рядом с ней на столике стояла чашка остывшего чая и лежал старый ключ — чёрный, с круглой головкой и символом дракона, кусающего свой хвост.

— Ты знала, — сказала я, входя.

Она повернулась. Её лицо было спокойным.

— Знала.

— И не сказала?

— Ждала.

— Чего?

— Этого момента, — она взяла ключ со столика. — Амелия передала его мне перед смертью. Сказала: «Когда твоя дочь начнёт искать правду — отдай». Я ждала три года. Ты начала искать только сейчас.

— Ты могла отдать раньше.

— Ты была не готова, Камелия. Слишком зла. Слишком больна. Слишком занята мыслями о мести.

— А теперь?

— Теперь ты готова, — она протянула мне ключ. — Иди.

Я останусь здесь.

— Ты не пойдёшь со мной?

— Это не моя тайна. Это твоя.

***

Я спустилась в подвал одна.

Чёрный Всадник ждал у входа в винный погреб. Я показала ему ключ. Он кивнул и зажёг факел.

Дверь нашлась не сразу. Она была скрыта за старым стеллажом, который мы отодвинули вдвоём. Замок щёлкнул глухо, и тяжёлая дубовая дверь медленно открылась.

Внутри было темно. Факел выхватил из тьмы каменные стены, покрытые паутиной. Маленькую комнату. Стол, стул, сундук в углу.

И цветы.

Живые, настоящие цветы, которые росли здесь, под землёй, без солнечного света. Они вились по стенам, свисали с потолка, пахли сладко и тяжело — как в старых оранжереях.

— Что это? — спросил Чёрный Всадник.

— Не знаю, — я подошла к столу. На нём лежал пергамент, свернутый в трубочку.

Я развернула его.

«Тому, кто ищет правду. Амелия».

Рядом — папка. Старая, кожаная, с медными застёжками. Я открыла её.

Внутри лежали письма.

Я узнала почерк отца. Острый, угловатый, с неожиданны-

ми завитушками. Он писал их много лет назад — ещё до того, как я родилась. До того, как встретил мать.

«Если когда-нибудь моя дочь будет читать это — знай: я не хотел, чтобы ты стала оружием. Я хотел, чтобы ты была просто ребёнком. Но боги распорядились иначе. Амелия сохранит эти письма. Когда ты вырастешь и начнёшь искать правду — она отдаст их тебе. Не вини мать. Она не знала. Я всё скрывал сам».

Я перевернула страницу.

«Твоя метка не проклятие. Это дар. Сильнейший дар, который когда-либо получал дракон. Твоя мать, сама того не зная, передала тебе не только свою кровь, но и магию. Магию другого мира. Магию, которую драконы потеряли тысячу лет назад».

— Что там? — спросил Чёрный Всадник.

— Письма отца, — ответила я. — Он знал. Знал про мою силу. Про то, что она не исчезла. Про то, что она просто спит.

Я читала дальше. И с каждой страницей мир рушился и собирался заново.

Отец писал о том, как встретил мать. Как понял, что она не из этого мира. Как скрывал её тайну от ищеек императора. Как Вейя — старая лекарка — помогла им выжить в первые годы.

Он писал о том, как мать прошла Отбор невест, выиграла его, но отказалась от принца Райана.

«*Она сказала ему: «Я не для трона. Я для леса». Райан*

был раздавлен. Но отпустил. И запомнил на всю жизнь».

Он писал о том, как мать забеременела мной.

«Она была слабой, бледной, но огонь в её глазах не гас. Она говорила: «Эта девочка будет сильнее нас. Я чувствую». Я не верил. Потом ты родилась, и твоя метка вспыхнула так ярко, что ослепила всех магов в округе. С того дня я знал — ты наша надежда. И наше проклятие».

Он писал о том, как в девять месяцев я уничтожила целое войско.

«Ты стояла на руках у Кая — ты не помнишь его, он погиб через год — и твои глаза горели золотом. Драконы падали на землю, бились в конвульсиях. Их чешуя трескалась, из-под неё сочился свет. Ты не убивала. Ты освобождала их от рабства. Вейя плакала, глядя на это. Она сказала: «Дитя Пламени пришло». Я не понял тогда. Понимаю только сейчас».

Последнее письмо было коротким.

«Камелия. Если ты читаешь это — значит, меня уже нет. Не вини мать. Она не знала про этот архив. Я просил Амелию спрятать его от всех, кроме тебя. Ты одна имеешь право знать правду. Твоя сила не исчезла. Она ждёт. Как дракон, который ушёл в горы и спит в пещере, накопил силы перед битвой. Иди к Астароту. Он знает, как разбудить её. Твой отец, Даркэн из рода Пепельных».

Я закрыла папку.

— Всё в порядке? — спросил Чёрный Всадник.

— Не знаю, — ответила я. — Но теперь я знаю, кто я.

— Кто?

— Дочь дракона и попаданки. Наследница огня, который сжигал ищеек императора. Девочка, которая в девять месяцев освободила драконов от рабства.

Я посмотрела на свою левую руку. Метка тускло серела под рукавом.

— Она не умерла, — сказала я. — Отец говорил — спит. Я разбужу её.

— Как?

— Иди к Астароту. Он знает.

Я взяла папку с письмами и вышла из тайной комнаты. Чёрный Всадник шёл за мной, освещая дорогу факелом.

Наверху, в коридоре, стояла мать. Её лицо было бледным.

— Ты всё узнала? — спросила она.

— Узнала, — я посмотрела на неё. — Ты прошла Отбор, выиграла его, отказалась от принца. Ты сожгла пятерых магов, когда была беременна мной. Ты пряталась в цитадели, где цветы растут без солнца. Ты сильнее, чем я думала.

— Я не сильная, — она покачала головой. —

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.